
БРАК
ПО ПОСЛЕДНЕЙ ВОЛЕ
18+

Лира Оскольская

Брак по последней воле

«Автор»
2026

Оскольская Л.

Брак по последней воле / Л. Оскольская — «Автор», 2026

В книге используется упоминание наркотиков и алкоголя. Можно унаследовать состояние, фамилию и семейный бизнес. Но можно ли унаследовать чужую судьбу? Александр Воскресенский привык сам принимать решения. В тридцать два года он управляет частью международной империи, построенной тремя семьями, и точно знает, чего хочет от жизни. Женитьба в его планы не входит.Но после смерти деда открывается завещание с неожиданным условием: чтобы получить право занять его место в семейном бизнесе, Алекс должен жениться на 1 конкретной девушке. Она не собирается становиться разменной монетой в чужой игре. Он не намерен позволять кому-либо распоряжаться своей жизнью. Три семьи. Полтора века общих секретов. Один брак, которого никто из них не хотел. Только вот что, если последняя воля покойного окажется началом истории, которую уже невозможно будет контролировать?

© Оскольская Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Наследник 6
Наследник 7
Глава 2. Три семьи. 12
Глава 3. Чёрный дресс-код 19
Глава 4. Последняя воля. 27
Глава 5. Не по плану 32
Глава 6. Не такой уж плохой выбор 40
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Лира Оскольская
Брак по последней воле

Глава 1. Наследник

В книге присутствуют эпизоды употребления алкоголя и упоминания наркотических веществ, а также ситуации, связанные с их опасным воздействием на человека.

Автор не пропагандирует и не романтизирует употребление алкоголя и наркотиков. Напротив, подобное поведение и его последствия показаны критически. Автор осуждает употребление наркотических веществ и злоупотребление алкоголем, подчёркивая опасность подобных решений для здоровья, жизни и безопасности человека.

Все совпадения с реальными событиями и персонажами случайны.

Наследник

Утро начинается с запаха свежесваренного кофе, непрочитанных писем и чужого недовольства, которое, судя по всему, сегодня особенно настойчиво. Александр Воскресенский сидит во главе длинного стола в переговорной, просматривает таблицу на экране ноутбука и слушает, как директор по продажам уже в третий раз объясняет одну и ту же проблему, меняя лишь интонацию.

— Я правильно понимаю, — наконец произносит Алекс, отодвигая от себя чашку, — что мы полгода готовили этот контракт, согласовали объёмы, сроки, цену, а теперь за неделю до первой отгрузки выясняется, что нам не хватает четырёхсот кубометров?

— Не совсем так. У нас есть резерв, но…

— Тогда в чём проблема?

Мужчина напротив поправляет очки и бросает взгляд на коллегу из отдела снабжения. Тот старательно изучает лежащие перед ним бумаги. Вид у обоих такой, словно Алекс только что предложил им лично отправиться в лес и вырубить недостающие деревья.

— Поставщик задерживает сырьё, — осторожно объясняет директор по продажам. — Обещают закрыть вопрос, но точной даты пока нет.

— Обещают, — повторяет Алекс. — Прекрасное слово. Особенно когда его произносят за чужой счёт.

Кто-то тихо усмехается. Алекс поднимает глаза. Взгляд у него спокойный, но этого оказывается достаточно, чтобы веселье за столом прекратилось. Он не любит повышать голос. Не видит в этом необходимости. Если человек не понимает с первого раза, громкость обычно не помогает. Зачем кричать, когда тебя не слышат?

— У нас есть резервный поставщик. Почему не связались с ним?

— У них цена выше.

— Насколько?

— На четыре процента.

— Это меньше, чем штраф за срыв сроков. И уж точно меньше, чем стоимость испорченных отношений с заказчиком. Давайте не будем экономить там, где потом придётся платить вдвое больше.

Он закрывает таблицу.

— Сегодня до обеда согласуйте объёмы с резервным поставщиком. Первую партию отправляем по графику. По основному поставщику я хочу видеть письменное подтверждение сроков и объяснение задержки. Не телефонные обещания. Всё понятно?

— Да, Александр Дмитриевич.

— Хорошо. Тогда займитесь этим, а не поиском причин, почему ничего нельзя сделать.

Совещание заканчивается. Люди собирают документы, кто-то торопливо застёгивает пиджак, кто-то задерживается у двери, чтобы задать вопрос помощнице. Алекс остаётся сидеть, просматривая последние сообщения. За панорамными окнами тянется серое октябрьское утро. Низкое небо нависает над городом, и стеклянные фасады соседних зданий отражают холодный свет. Москва уже успела проснуться, заполнить улицы машинами, а офис — звонками и разговорами. Внизу, у входа, курьеры сменяют друг друга, торопливо перебегая от автомобилей к дверям.

Обычный рабочий день. Таких дней у него сотни. Иногда они отличаются только цифрами в отчётах и фамилиями людей, которые приходят объяснять, почему очередной вопрос не решается без его участия. Алекс не жалуется. Он сам выбрал эту жизнь. Когда-то отец предлагал ему закончить образование в Лондоне и остаться там. Воскресенские давно привыкли к тому, что важные решения принимаются не обязательно в России, а семейный бизнес

давно перестал быть просто лесопилками и заводами. Но Алекс вернулся. Сначала приезжал на несколько месяцев, потом задержался на год, а затем окончательно перебрался в Москву. Ему нравилось видеть результат собственной работы. Не просто подписывать документы в дорогом кабинете, а понимать, почему одна производственная линия работает быстрее другой, где теряются деньги и кто из руководителей действительно отвечает за свои слова. Отец иногда называл это упрямством. Дед — характером. Алекс предпочитал считать, что просто не умеет заниматься делом вполсилы.

Он открывает на ноутбуке следующий документ, но дочитать не успевает. На столе вибрирует телефон. На экране высвечивается имя отца. Алекс смотрит на часы. В Лондоне сейчас ещё утро, хотя Дмитрий обычно звонит ближе к обеду, когда успевает разобрать свои дела.

— Да, пап.

— Ты занят?

— Как всегда. Что случилось?

В трубке на несколько секунд становится тихо. Алекс откидывается на спинку кресла и убирает руку с мыши.

— Алекс, дед умер.

Слова звучат просто. Без предисловий, без осторожных формулировок. И всё же сначала Алекс не понимает их смысла. Смотрит на экран, где по-прежнему открыта таблица с поставками, видит в ячейке выделенную цифру и почему-то думает, что не успел отправить письмо.

— Когда?

— Сегодня утром. В Москве.

— Что произошло?

— Сердце. Он был дома. Врач приехал быстро, но…

Отец замолкает. Алекс медленно проводит ладонью по лицу. В голове возникает странное ощущение пустоты, словно кто-то выключил звук в комнате. За стеклянной стеной переговорной проходят люди, двигаются, разговаривают, улыбаются. Мир не замечает, что только что изменился.

— Ты где сейчас? — спрашивает он.

— В Лондоне. Я вылетаю сегодня. Мама тоже. Похороны будут в России, на родине. Думаю, послезавтра, но точную дату сообщат после оформления всех документов.

— Я понял.

Он хочет спросить ещё что-нибудь, но не знает что. Когда дед болел, Алекс звонил ему чаще, чем раньше. Последний раз они разговаривали неделю назад. Аркадий тогда жаловался на погоду, интересовался делами на заводе и, как обычно, нашёл повод отчитать внука за то, что тот слишком много работает.

«Ты не лошадь, Алекс. Хотя иногда ведёшь себя именно так». Алекс тогда рассмеялся и пообещал выбраться на выходные. Не выбрался.

— Ты меня слышишь? — голос отца возвращает его к разговору.

— Да.

— На похороны приедут все. Сарыханы уже подтвердили, Делакруа тоже собирается. Руководители будут. Аркадий был не просто нашим родственником, ты это понимаешь.

— Понимаю.

— И ещё… После похорон нам нужно будет собраться. Завещание огласят через три дня после похорон. Нотариус уже связался со мной.

Алекс хмурится.

— Завещание?

— Да. Дед оставил распоряжения. Не знаю, что именно там написано. Он не обсуждал это со мной.

— С тобой?

— Ни со мной, ни с кем-либо ещё. По крайней мере, мне об этом неизвестно.

В голосе отца появляется знакомая сдержанность. Так он говорит, когда не хочет показывать, что какая-то ситуация его задела.

Алекс переводит взгляд на окно.

— Хорошо. Я займусь организацией здесь.

— Не нужно брать всё на себя. Мы с мамой прилетим, разберёмся.

— Пап, я уже здесь. И всё равно мне придётся этим заниматься.

Дмитрий тихо вздыхает.

— Знаю. Просто… Не забывай, что это похороны твоего деда, а не очередное совещание.

Алекс чуть усмехается, хотя улыбка выходит невесёлой.

— Постараюсь.

— Позвони, если что-то понадобится. Я буду на связи.

— Хорошо.

Разговор заканчивается, но телефон ещё несколько секунд остаётся у Алекса в руке. Он смотрит на него, будто ждёт, что отец перезвонит и скажет, что произошла ошибка. Что дед просто плохо себя почувствовал, что врачам удалось его спасти, что всё это какое-то недоразумение. Но телефон молчит. Алекс встаёт и подходит к окну. Внизу медленно ползут автомобили. На перекрёстке загорается зелёный сигнал, машины трогаются, люди переходят дорогу, пряча лица от ветра. Он вспоминает деда не старым и уставшим, каким видел его в последние месяцы, а совсем другим — широкоплечим, громким, с неизменной тростью, которой тот иногда постукивал по полу, когда хотел привлечь к себе внимание. Аркадий Воскресенский никогда не умел быть незаметным. Даже когда молчал, казалось, что он продолжает разговор, просто пока не решил, стоит ли остальным его слышать. Их отношения всегда были особенными. Дед не баловал внука и не пытался сделать из него любимчика семьи. Скорее наоборот — требовал больше, чем от остальных. Если Алекс ошибался, Аркадий говорил об этом прямо. Если добивался успеха, не спешил хвалить. Но именно дед первым поверил, что Алекс сможет вести российское направление самостоятельно.

И именно он когда-то сказал ему: «Бизнес не наследуют, мальчик. Его каждый день приходится заслуживать». Алекс опускает голову. В горле появляется неприятное напряжение, которое он проглатывает вместе с желанием закрыть глаза и хотя бы на минуту остаться один. В дверь осторожно стучат.

— Александр Дмитриевич?

На пороге стоит Марина, его помощница. В руках у неё планшет и ежедневник.

— Да, Марин.

— Через двадцать минут у вас встреча с представителями «СеверЛес». Я подготовила документы. И ещё звонили из транспортной компании…

— Перенеси все встречи на следующую неделю.

Марина внимательно смотрит на него.

— Что-то случилось?

— Умер дед.

Её лицо сразу меняется.

— Александр Дмитриевич… Примите мои соболезнования.

Он коротко кивает.

— Спасибо. Мне нужно, чтобы ты организовала приезд родственников и партнёров. Сегодня начнут прилетать люди. Свяжись с загородным домом, проверь размещение, транспорт. Кто не поместится там, пусть останавливается в гостинице. Отдельно подготовь список тех, кто подтвердил приезд.

— Конечно.

— Родители прилетают из Лондона. Сарыханы будут из Стамбула, Делакруа — из Франции. По остальным я пришлю контакты.

Марина быстро записывает.

— Похороны когда?

— Предварительно послезавтра. Точную дату уточним.

— Хорошо. Я займусь.

Она уже собирается выйти, но Алекс останавливает её:

— Марин.

— Да?

— Найди, пожалуйста, старые фотографии деда. Те, что были в семейном архиве. Не для прессы. Просто… несколько хороших снимков.

— Конечно.

Когда дверь закрывается, Алекс возвращается к столу. Работа, которая ещё час назад казалась важной, теперь выглядит почти нелепо. Четыреста кубометров пиломатериалов, сроки, переговоры, цифры. Всё это никуда не исчезло, но впервые за долгое время ему хочется, чтобы кто-нибудь другой взял на себя хотя бы часть привычных забот. Он набирает номер загородного дома. Потом звонит старому помощнику деда, уточняет, кто сейчас находится рядом с семьёй, просит связаться с нотариусом. Вскоре приходит сообщение от отца: билеты куплены, они с матерью вылетают вечерним рейсом. Алекс отвечает коротко, не вдаваясь в подробности.

Весь оставшийся день проходит в телефонных разговорах. Люди выражают соболезнования, обещают приехать, спрашивают, чем помочь. Некоторые вспоминают Аркадия с искренней теплотой, другие говорят правильные слова, за которыми слышится беспокойство о будущем бизнеса. Алекс слушает всех одинаково внимательно. Он знает, что смерть деда затронет не только семью. Аркадий был одним из тех людей, на которых держались старые договорённости. Его уважали, с ним спорили, иногда его опасались, но никто не мог позволить себе не считаться с его мнением. Теперь многое придётся решать без него. И Алекс пока даже не представляет, насколько многое. К вечеру город темнеет. В офисе постепенно гаснет свет, сотрудники расходятся, а Алекс всё ещё сидит за столом. На мониторе открыто письмо, которое он так и не отправил. Он перечитывает первые строки, затем закрывает ноутбук. На телефоне появляется сообщение от матери.

«Сынок, мы скоро будем. Я знаю, как ты любил дедушку. Не оставайся сейчас один со всем этим».

Алекс набирает ответ.

«Всё нормально. Жду вас».

Он понимает, что мать не поверит, но другого ответа у него нет. Перед уходом Марина приносит папку с фотографиями. Алекс листает их прямо за столом. На одной дед стоит у старого производственного корпуса, ещё совсем молодой, в расстёгнутом пальто. На другой — за большим столом в загородном доме, рядом с партнёрами. Трое мужчин, три семьи, один бизнес, который начинался с нескольких лесопилок и постепенно превратился в международную компанию.

Алекс задерживает взгляд на снимке. Рядом с Аркадием стоят Михаил Сарыхан и Анри Делакруа. Все трое улыбаются, но дед, как всегда, смотрит прямо в объектив. В его взгляде есть что-то упрямое, почти мальчишеское. Алекс проводит пальцем по краю фотографии. Он помнит тот вечер. Кажется, ему было лет двадцать. Дед собрал всех на семейный ужин, и тогда за столом впервые появились молодые представители трёх семей. Алисия Сарыхан сидела напротив. Она почти не участвовала в разговорах взрослых, зато успела поспорить с Алексом из-за какой-то пустяковой фразы и закончила спор так, что он ещё долго вспоминал её улыбку. С тех пор они виделись не раз. Иногда в Стамбуле, иногда в Москве, на общих мероприятиях. Между ними никогда не было ничего, что можно было бы назвать отношениями. Просто знакомство,

взаимный интерес, редкие разговоры и ощущение, что оба прекрасно понимают, насколько разные у них представления о жизни. Алекс убирает фотографию обратно в папку. Сейчас ему совсем не до воспоминаний. Через два дня здесь соберутся все, кто когда-то был частью жизни Аркадия Воскресенского. Родственники, партнёры, друзья семьи. Люди, которые будут говорить о прошлом и осторожно присматриваться к будущему.

А через три дня после похорон огласят завещание. Алекс не знает, что именно дед решил оставить после себя. И почему отец произнёс слово «завещание» с такой осторожностью, будто за ним скрывается нечто большее, чем распределение имущества. Он гасит свет в кабинете и выходит в пустой коридор. Впереди похороны. Потом — встреча трёх семей и, возможно, ответы на вопросы, которые дед предпочёл унести с собой. Пока Алекс уверен лишь в одном: никакое завещание не изменит того, что Аркадия больше нет, а всё остальное придётся выяснять уже без него.

Глава 2. Три семьи.

Алекс не любит фотографироваться. Особенно для семейных альбомов, где все должны выглядеть счастливыми, успешными и непременно стоять в правильном порядке. Но на этот раз придётся. К приезду родственников Марина уже подготовила всё необходимое: список гостей, размещение, транспорт, фотографии Аркадия для памятной церемонии. Алекс просматривает материалы в кабинете загородного дома, куда приехал поздно вечером, и задерживается на одном из снимков. На нём дед стоит между двумя мужчинами. Слева — Михаил Сарыхан, справа — Анри Делакруа. Все трое ещё крепкие, уверенные в себе, с тем особенным выражением лиц, которое появляется у людей, привыкших не просить разрешения, а договариваться на равных. Алекс знает эту историю почти наизусть. В детстве дед рассказывал её за ужином, иногда добавляя подробности, которых не было в предыдущем рассказе. Взрослые обычно поправляли его, но Аркадий только отмахивался: мол, история должна быть интересной, а не похожей на протокол собрания.

Всё началось ещё в середине девятнадцатого века. Предки Воскресенских занимались лесом и деревообработкой. Тогда это были совсем другие времена: небольшие лесопильни, склады, первые крупные поставки. У семьи не было ни международной компании, ни внушительных кабинетов, ни собственных представительств за границей. Зато был человек, который умел находить покупателей там, где остальные видели только расстояние и сложности. Один из прадедов Алекса сумел наладить торговые связи с Османской империей. Он искал рынки сбыта, договаривался о поставках, отправлял продукцию через посредников и постепенно выстроил отношения с турецкими торговыми домами. Именно тогда в истории Воскресенских появилась Турция. Позже, уже во втором поколении, семья вышла на французский рынок. Там появились новые партнёры, новые направления, новые возможности. Сначала это были деловые отношения, потом — совместные проекты, а спустя десятилетия три семейные истории стали настолько тесно переплетены, что отделить одну от другой оказалось непросто. В пятидесятые годы прошлого века потомки трёх семей объединили активы в холдинг. Это было не спонтанное решение и не попытка создать красивую вывеску. Они объединили производство, торговые связи, рынки сбыта и капиталы, сохранив при этом семейные доли и собственное влияние.

Так появился бизнес, которым сейчас управляют Воскресенские, Сарыханы и Делакруа. Три семьи. Три страны. Три направления, которые за полтора столетия научились работать как единый механизм. По крайней мере, так было принято говорить на официальных встречах. На деле всё выглядело куда сложнее.

Воскресенские отвечали за российскую основу бизнеса — производство, сырьё, деревообработку и строительные материалы. Турецкая ветвь, которую представляли Сарыханы, исторически обеспечивала торговые связи с Турцией и рынками Ближнего Востока. Делакруа занимались европейским направлением, финансированием, инвестициями и внешними контрактами.

Каждая семья имела собственные доли, собственные интересы и собственное представление о том, каким должен быть общий бизнес. Контроль оставался у старших, но молодое поколение уже давно участвовало в управлении. Не все, разумеется. Кто-то предпочитал получать дивиденды и появляться на семейных встречах исключительно ради хорошего ужина. Алекс к таким наследникам не относился. Он с детства видел, что фамилия Воскресенский открывает двери, но не гарантирует, что за этими дверями тебя будут уважать. Этого приходилось добиваться самому.

— Опять изучаешь историю рода?

Голос отца раздаётся от двери.

Алекс поднимает голову. Дмитрий Воскресенский стоит на пороге, держа в руке стакан воды. После перелёта он выглядит уставшим, но уже успел переодеться и даже заглянуть в несколько комнат, проверяя, всё ли готово к приезду остальных.

— Скорее пытаюсь понять, сколько людей придётся разместить, — отвечает Алекс. — История рода в этом смысле не очень помогает.

— Твой дед бы обиделся.

— Дед бы сказал, что я плохо организовал встречу.

Дмитрий усмехается и подходит к столу.

Он старше пятидесяти, высокий, с прямой осанкой и той же привычкой слегка прищуриваться, когда рассматривает документы. Внешне отец и сын похожи, хотя Дмитрий выглядит более сдержанным. В его тёмных волосах давно появилась седина, а в лице заметны черты человека, привыкшего держать себя в руках даже тогда, когда внутри всё далеко не спокойно.

— Ты давно не был здесь, — замечает он.

— Был в июне.

— На один день.

— У меня была работа.

— У тебя всегда работа.

Алекс откидывается на спинку кресла.

— Пап, мы можем не начинать?

— Я ничего не начинаю. Просто констатирую факт.

— Тогда констатируй его чуть позже. У нас впереди похороны.

Отец смотрит на него внимательно. Алекс знает этот взгляд. Так Дмитрий смотрел на него в подростковом возрасте, когда пытался понять, действительно ли сын сделал что-то самостоятельно или просто надеется, что за него всё решат другие.

Иногда Алексу кажется, что отец до сих пор не привык к тому, что мальчик, которого он когда-то отправлял на лето к деду, теперь сам принимает решения, от которых зависят сотни людей.

— Ты похож на него, — неожиданно говорит Дмитрий.

— На деда?

— Да.

— Мне это уже говорили.

— И не зря.

Алекс ничего не отвечает. Он знает, что отец не всегда воспринимал эту похожесть как достоинство. Аркадий и Дмитрий были разными людьми. Дед любил действовать напрямую, не особенно заботясь о том, насколько кому-то понравится его решение. Отец предпочитал договариваться, искать компромиссы, оставлять собеседнику возможность сохранить лицо.

Алекс взял от обоих понемногу. И, вероятно, именно поэтому иногда раздражал их обоих.

— Мама спрашивала, где ты, — продолжает Дмитрий. — Она хочет с тобой поговорить.

— Сейчас спущусь.

— Алекс…

Отец делает паузу, словно решает, стоит ли продолжать.

— Ты понимаешь, что после смерти Аркадия многое изменится?

— Понимаю.

— Я не только о завещании.

— А о чём ещё?

— О людях. О балансе между семьями. Твой дед умел удерживать их в определённых рамках. Не всегда мягко, но умел. Теперь каждый будет думать о своём.

Алекс смотрит на фотографию трёх основателей.

— Думаешь, они начнут делить бизнес прямо на похоронах?

— Нет. Они достаточно воспитанные люди, чтобы дождаться окончания церемонии.

— Успокоил.

Дмитрий не улыбается.

— Я серьёзно. Не воспринимай всё происходящее как обычную смену руководства. Здесь слишком много старых договорённостей.

— Я не собираюсь ничего менять.

— Пока не знаешь, что именно оставил отец.

— И ты не знаешь.

— Именно поэтому я и говорю: не торопись.

Алекс закрывает папку.

— Хорошо. Давай сначала похороним деда.

Отец кивает и выходит. Но его слова остаются в комнате.

Слишком много старых договорённостей.

Алекс снова смотрит на фотографию. В центре — Аркадий, рядом с ним два партнёра. За их спинами стоят люди, которых уже давно нет в живых, а их решения продолжают влиять на тех, кто родился спустя десятилетия. Иногда ему кажется, что семейный бизнес — это огромный дом, который строили несколько поколений. Каждый что-то добавлял, перестраивал, укреплял, но никто не решался снести старые стены, даже если они давно мешали. В зеркале прихожей Алекс задерживается на минуту. Он снимает пиджак, поправляет воротник рубашки и проводит рукой по волосам. Тёмные, густые, немного непослушные, они снова падают на лоб, хотя утром он специально уложил их так, чтобы не приходилось постоянно поправлять. Тридцать два года. Возраст, когда от тебя уже ждут окончательных решений, но ты ещё вполне способен изменить собственную жизнь, если однажды поймёшь, что свернул не туда. Высокий, подтянутый, с широкими плечами и стройной фигурой. Не из тех мужчин, которые проводят половину жизни в спортзале ради отражения в зеркале, но форму поддерживает регулярно. Скорее по привычке, чем из тщеславия. Серо-голубые глаза, выразительные брови, чёткая линия подбородка. Лёгкая небритость делает лицо чуть резче, чем оно есть на самом деле. Он редко улыбается незнакомым людям, зато с друзьями бывает совсем другим — насмешливым, шумным, временами даже беззаботным. В нём нет той нарочитой холодности, которую некоторые мужчины считают обязательной частью делового образа. Алекс умеет быть внимательным, может пошутить над собой и не видит ничего унизительного в том, чтобы признать чужую правоту.

Но если дело касается работы, терпение у него заканчивается быстро. Он поправляет манжету рубашки и выходит из прихожей. В гостиной его ждёт мать. Елена Воскресенская сидит у окна с чашкой чая. Она прилетела вместе с мужем и за несколько часов успела изменить обстановку в комнате: на столе появились цветы, плед аккуратно сложен на диване, а рядом с чашкой лежит книга, которую она, судя по всему, даже не открывала.

— Наконец-то, — говорит она, заметив сына. — Я уже решила, что тебя придётся искать на заводе.

— Я оставил производство в покое хотя бы на один вечер.

— Надеюсь, оно переживёт.

Алекс наклоняется и целует мать в щёку. Она обнимает его чуть крепче, чем обычно, и на несколько секунд задерживает ладонь на его спине. От неё пахнет знакомыми духами и чем-то домашним, давно связанным у него с детством.

— Ты похудел, — произносит Елена, отстраняясь.

— Мам, мы виделись летом.

— Летом ты тоже был худой.

— Значит, ничего не изменилось.

— Вот именно. И это меня беспокоит.

Он усмехается и садится напротив. С матерью всё всегда было проще, чем с отцом. Елена не пыталась воспитывать его через деловые советы и не считала, что любое решение нужно обсуждать с позиции выгоды. Она могла спорить, сердиться, обижаться, но никогда не делала вид, будто знает лучше него, как ему жить. Правда, иногда её забота становилась чрезмерной.

— Ты сегодня ел?

— Да.

— Что?

— Еду.

— Александр.

— Мама, я взрослый мужчина. И, кажется, умею самостоятельно выбирать обед.

— Судя по твоему виду, не очень.

Он смеётся. Впервые за весь день по-настоящему. Елена смотрит на него, и улыбка постепенно исчезает с её лица.

— Мне всё ещё не верится, что его нет.

Алекс опускает глаза.

— Мне тоже.

— Он ведь совсем недавно разговаривал со мной по телефону. Спрашивал, когда мы приедем. Сказал, что ты опять не находишь времени на семью.

— Он говорил это всем.

— Потому что был прав.

— Вы с ним прекрасно ладили.

— Конечно. Он был ужасно упрямым человеком, но я его любила.

Елена делает глоток чая.

— Знаешь, он всегда считал, что ты должен занять его место.

Алекс медленно поднимает глаза.

— Мы об этом не говорили.

— Он говорил со мной.

— И что именно?

— Что ты единственный из молодых, кто понимает, как устроен бизнес. Не только цифры и договоры, но и людей, которые за ними стоят.

— Он преувеличивал.

— Нет. Просто ты привык, что его похвала всегда звучит как замечание.

Алекс невольно улыбается. Это действительно было похоже на деда.

— Он хотел, чтобы ты не повторил ошибок отца, — добавляет Елена.

— Каких именно?

Она смотрит на сына поверх чашки.

— Слишком долго пытался быть удобным для всех.

Алекс переводит взгляд в сторону. Ему не нравится, когда родители обсуждают друг друга через него. Тем более сейчас.

— Папа вполне справляется.

— Твой отец хороший человек. Но в этой семье он слишком часто забывал, что имеет право на собственное мнение.

— А ты считаешь, что я не забываю?

— Ты иногда даже не замечаешь, когда наступаешь на чужие мнения.

— Это уже похоже на комплимент.

Они оба улыбаются, но вскоре разговор снова возвращается к деду. Елена рассказывает, что Аркадий в последние месяцы часто вспоминал старые времена. Говорил о семейных встре-

чах, о людях, которых уже нет, о том, как когда-то всё начиналось. Иногда спрашивал, не собирается ли Алекс жениться.

— И что ты ему отвечала?

— Что у тебя своя голова на плечах.

— Спасибо.

— Но он был уверен, что однажды ты всё-таки передумаешь.

Алекс вздыхает.

— Надеюсь, он не оставил мне в наследство список невест.

— Не шути так.

— Я не шучу. С деда станется.

Елена качает головой, но в глазах у неё мелькает улыбка.

— Он очень хотел, чтобы ты был счастлив.

— Тогда ему стоило меньше вмешиваться в мою жизнь.

— Возможно. Но он не умел по-другому.

Алекс не отвечает. Он вспоминает последние разговоры с дедом и вдруг понимает, что тот действительно часто возвращался к одной теме. Не к деньгам, не к производству, не к будущему холдинга. К семье. К людям, которые однажды должны будут продолжить начатое и к Алисии Сарыхан. С Алисией у него никогда не было близких отношений. Они не дружили в детстве, не встречались тайком, не обменивались обещаниями, которые потом можно было бы вспомнить с грустной улыбкой. Они просто знали друг друга.

Она родилась в Стамбуле, в семье Михаила Сарыхана, и с детства была частью той самой турецкой ветви, которая когда-то стала первым международным направлением Воскресенских. Алисия — единственный ребёнок Михаила. Единственная дочь среди наследников трёх семей, и, что важнее для бизнеса, единственный прямой преемник отца по турецкой линии. У Михаила есть родственники, двоюродные братья, люди, которые участвуют в семейных делах, но его собственная доля и влияние не могут просто перейти к кому-то из них по привычному порядку. Алисия с детства росла рядом с отцом, знала его партнёров, бывала на переговорах и семейных встречах. Она не обязана была становиться продолжением его бизнеса, но Михаил никогда не скрывал, что рассчитывает однажды передать ей свою часть ответственности. Именно поэтому её имя так часто звучало в разговорах старшего поколения.

Михаил не вечен. Когда-нибудь ему придётся отойти от дел, и тогда турецкое направление будет вести Алисия. Не одна, конечно: рядом останутся управляющие, совет директоров, представители других семей. Но решения, касающиеся интересов Сарыханов, будут проходить через неё. Алексу, если он займёт место деда и продолжит вести российское направление, рано или поздно придётся работать с ней напрямую. Не просто встречаться на семейных ужинах и обмениваться любезностями. Договариваться о поставках, рынках, инвестициях, спорить о стратегии, принимать решения, которые затрагивают обе стороны. В этом не было ничего удивительного. Так устроен семейный бизнес: однажды ты обнаруживаешь, что люди, которых знаешь с детства, становятся твоими главными партнёрами. Алисия всегда казалась ему человеком, который не станет соглашаться только потому, что так удобнее. Впрочем, это было скорее наблюдением, чем близким знакомством. Он помнил её тёмные волосы, внимательный взгляд и манеру задавать вопросы, на которые взрослые предпочитали не отвечать. На одном из ужинов она однажды прямо спросила у Михаила, почему он обсуждает её будущее так, будто самой Алисии за столом нет. Алекс тогда едва сдержал улыбку. Михаил, кажется, тоже не нашёлся с ответом.

— Ты задумался, — замечает мать.

— Вспомнил Алисию.

Елена чуть приподнимает брови.

— Алисию Сарыхан?

— А у нас есть ещё одна?

— Не язви. Я просто удивилась.

— Почему?

— Давно вы не виделись.

— На прошлогодней встрече в Стамбуле.

— И как она?

— Не знаю, мам. Мы не ведём переписку.

Елена улыбается, но ничего не говорит. Алекс берёт со стола стакан воды.

— Её отец всё ещё рассчитывает, что она продолжит его дело?

— Насколько я знаю, да. Михаил всегда хотел, чтобы она была рядом с бизнесом. Хотя Алисия, кажется, не из тех, кто согласится на всё только потому, что так решил отец.

— Это я заметил.

— Аркадий очень хорошо к ней относился.

— Дед хорошо относился ко всем, кто умел ему возражать.

— Не ко всем.

Алекс смотрит на мать.

— Ты что-то знаешь?

Елена качает головой.

— Ничего определённого. Просто он часто говорил, что Алисия похожа на свою бабушку. Не внешне. Характером.

— Это звучит как предупреждение.

— Возможно, так он и воспринимал.

Алекс усмехается и отставляет стакан. Он не собирается сейчас размышлять о том, с кем ему предстоит работать через несколько лет. Тем более что после смерти деда у него достаточно других вопросов. Но имя Алисии почему-то задерживается в памяти. Позднее, когда мать уходит отдыхать, Алекс возвращается в кабинет. На столе лежит папка с документами, которые Марина прислала ему по электронной почте. Он открывает список прибывающих гостей. Сарыханы подтвердили приезд. Михаил прилетает вместе с дочерью. Анри Делакруа будет с супругой и сыном. Родители Алекса останутся в России на несколько дней после похорон.

Три семьи снова соберутся под одной крышей. Он смотрит на даты. Похороны через два дня. Оглашение завещания — ещё через три. Пять дней, за которые, вероятно, придётся услышать немало воспоминаний, тостов, соболезнований и осторожных разговоров о будущем. Алекс открывает календарь и проверяет рабочие встречи. Их придётся перенести. Контракт на пиломатериалы всё ещё требует внимания, но он уже поручил команде подготовить документы. На этот раз обойдутся без его постоянного присутствия. Телефон снова вибрирует. Сообщение от неизвестного номера с турецким кодом:

«Александр, соболезную. Аркадий был замечательным человеком. Увидимся в России. Алисия».

Он перечитывает сообщение. Вежливо. Просто. Без лишних слов. Алекс набирает ответ:

«Спасибо, Алисия. Буду рад увидеться. До встречи в России».

Отправляет и кладёт телефон на стол. За окном темно. В доме тихо, только где-то внизу слышны приглушённые голоса персонала, готовящего комнаты к приезду гостей. Алекс смотрит на старую фотографию трёх мужчин.

Воскресенские, Сарыханы, Делакруа.

Полтора века они строили общее дело, переживали кризисы, меняли рынки, теряли и приобретали влияние. В пятидесятые объединили то, что до этого существовало отдельно, и создали систему, которая пережила несколько поколений. Теперь в ней снова назревают перемены. Алекс пока не знает, какую роль ему приготовил дед. Но почему-то всё сильнее ощущает, что завещание будет касаться не только имущества и полномочий. И, возможно, именно

поэтому отец так неохотно говорит о последних распоряжениях Аркадия. Алекс закрывает папку и выключает настольную лампу. Через два дня он увидит всех. Через пять — узнает, что дед оставил после себя. И тогда, вероятно, придётся вспомнить не только историю трёх семей, но и то, что каждый из них считает своим правом.

Глава 3. Чёрный дресс-код

Похороны Аркадия Воскресенского больше напоминали большое светское мероприятие, чем прощание с человеком, которого любили. Разумеется, никто не произносил этого вслух. Здесь были слёзы, цветы, тихие разговоры, скорбные лица и длинные паузы. Но стоило взглянуть чуть внимательнее, и становилось понятно: даже в такой день никто не забывал, кто он, откуда приехал и какое место занимает в этой жизни. Чёрные костюмы известных домов моды, сдержанные украшения, дорогие часы, идеально подобранные пальто. Женщины в тёмных дорогих платьях, мужчины с безупречными галстуками. Даже траур здесь имел свой дресс-код. Воскресенские умели держать лицо. Их этому не учили отдельно — это передавалось вместе с фамилией, привычками и пониманием того, что личное никогда не должно становиться достоянием посторонних.

Аркадий Воскресенский был не просто главой одной из семей. Он был старшим среди тех, кто представлял три династии, человеком, к мнению которого прислушивались даже тогда, когда не соглашались. Воскресенские занимали центральное место в холдинге, имели самые широкие деловые связи и на протяжении многих лет оставались опорой всего союза. У них было множество партнёров, поставщиков, представителей крупных компаний, людей из деловых и общественных кругов. Многие из них знали Аркадия лично. Некоторые начинали работать с ним ещё тогда, когда холдинг только набирал силу. Другие встречались с ним на переговорах, принимали его приглашения, бывали в его доме. Поэтому проститься с ним приехали не только родственники и ближайшие друзья. На церемонии присутствовали руководители компаний, представители деловых кругов, старые партнёры семьи и люди, которым было важно показать своё уважение. Смерть Аркадия Воскресенского стала событием, которое не могло остаться незамеченным и каждый из присутствующих понимал: сегодня они прощаются не только с человеком, но и с целой эпохой.

Анри Делакруа прилетел за день до похорон. Его появление в загородном доме не осталось незамеченным. Высокий, седовласый, с неизменно прямой осанкой и спокойным выражением лица, он умел производить впечатление даже тогда, когда просто входил в комнату. Рядом с ним держалась супруга, а чуть позади шёл сын - Жан. Высокий, темноволосый, в безупречно сидящем чёрном костюме. Он выглядел спокойным и собранным, как и полагалось человеку, которого с детства учили не показывать лишних эмоций на людях. Алекс знал его давно, но близкими друзьями они никогда не были. Их отношения оставались вежливыми, с лёгким оттенком соперничества, которое появлялось всякий раз, когда речь заходила о будущем семейного холдинга.

— Держись, Алекс, — сказал Жан, пожимая ему руку. — Твой дед был человеком, которого трудно заменить.

— Спасибо.

— Надеюсь, теперь у нас будет возможность чаще работать вместе.

Алекс чуть усмехнулся.

— Думаю, работы у нас и так хватает.

Жан улыбнулся, но в его взгляде промелькнуло что-то оценивающее.

Дмитрий Воскресенский встретил их у входа.

— Анри.

— Дмитрий.

Мужчины пожали друг другу руки, после чего Анри шагнул ближе и коротко обнял старого партнёра.

— Прими мои соболезнования. Аркадий был удивительным человеком. Таких редко встречаются.

— Спасибо, что приехали.

— Разве могло быть иначе?

Анри произнёс это без лишней торжественности. В его голосе действительно звучало сожаление. Он знал Аркадия много лет, хотя их отношения далеко не всегда были безоблачными. Они спорили, торговались, порой неделями не могли прийти к единому решению, но всегда возвращались за один стол.

— Он был одним из тех, кто умел видеть дальше остальных, — продолжил француз. — И я уверен, что вы сумеете сохранить то, что он строил.

Дмитрий чуть заметно кивнул.

— Мы постараемся.

— Не сомневаюсь. И хочу, чтобы ты знал: для нашей семьи ничего не меняется. Наш союз остаётся таким же крепким, каким был при Аркадии. Мы стояли вместе столько лет и продолжим стоять дальше.

Слова были правильными. Наверное, именно такие и следовало произносить в подобный день. Дмитрий посмотрел на собеседника чуть внимательнее.

— Я ценю это, Анри.

— Мы все понимаем, что впереди будет непростой период. Но не стоит забывать, сколько всего мы пережили вместе.

— Не забудем.

Они ещё немного поговорили о церемонии, о семье, о последних днях Аркадия. Анри выразил желание увидеться с Еленой, после чего его проводили в дом. Алекс наблюдал за разговором издалека. Он знал Анри с детства и прекрасно понимал, что тот никогда не произносит слов просто так. Даже соболезнования у него звучали так, будто между строк обязательно скрывается деловое предложение. «Ничего не изменится». Интересно, подумал Алекс, почему все так торопятся это обещать?

Сарыханы прибыли в тот же день. Михаил прилетел вместе с женой, а Алисия добиралась отдельно. Алекс узнал об этом ещё утром, когда Марина передала ему список прибывающих гостей.

— Алисия Сарыхан будет к вечеру, — сообщила она, сверяясь с телефоном. — Прилетает другим рейсом. Водитель встретит её в аэропорту.

— Хорошо. Комнату подготовили?

— Да. В восточном крыле, как вы просили.

Алекс кивнул и вернулся к документам. Михаила Сарыхана он заметил почти сразу, как тот вошёл в дом. Отец Алисии был человеком представительным, сдержанным и довольно жёстким в переговорах. Внешне он казался старше своих лет: тёмные волосы с заметной сединой, аккуратно подстриженная борода, внимательные глаза. В нём чувствовалась привычка принимать решения самостоятельно и не объяснять их тем, кто не имеет к ним отношения. Дмитрий встретил его у лестницы.

— Михаил.

— Дмитрий. Прими мои соболезнования. Я искренне скорблю вместе с вашей семьёй.

— Спасибо. Рад, что ты приехал.

— Аркадий был для меня не просто партнёром. Мы слишком много прошли вместе, чтобы сейчас говорить об этом как о деловых отношениях.

Михаил пожал ему руку, после чего они обменялись короткими объятиями.

— Он был человеком старой закалки, — продолжил Сарыхан. — Иногда невыносимым, но всегда надёжным. С ним можно было спорить, злиться, не разговаривать неделю, но ты точно знал: если он дал слово, оно будет выполнено.

— Это правда.

Михаил помолчал, затем чуть понизил голос:

— Я хочу, чтобы ты знал: смерть Аркадия ничего не меняет между нашими семьями. Мы остаёмся партнёрами. Наши договорённости в силе, турецкое направление продолжит работать в прежнем режиме. Не хотелось бы, чтобы кто-то решил воспользоваться моментом и расшатать то, что мы строили столько лет.

— Никто не собирается этого делать.

— Надеюсь. Сейчас особенно важно сохранить единство.

Дмитрий выдержал небольшую паузу.

— Мы все этого хотим.

Михаил кивнул, словно именно такой ответ и ожидал услышать. Алекс, стоявший неподалёку, невольно отметил, что оба разговора — с Анри и Михаилом — удивительно похожи. Разные слова, разные интонации, но один смысл. Все обещали сохранить союз и никто не говорил о том, кто теперь будет принимать решения вместо Аркадия.

Алисия приехала ближе к вечеру. Алекс в этот момент разговаривал с одним из старых партнёров деда. Мужчина рассказывал какую-то историю о поставках двадцатилетней давности, и Алекс уже собирался вежливо попрощаться, когда у входа послышались голоса. Он обернулся скорее машинально и увидел её. На мгновение ему показалось, что он ошибся. В памяти Алисия оставалась той девушкой, которую он встречал на семейных ужинах и деловых мероприятиях: немного насмешливой, с живыми глазами, всегда готовой вставить замечание, если взрослые слишком увлекались разговорами о будущем. Но женщина, стоявшая сейчас у входа, уже не напоминала ту девчонку. Она сняла тёмные солнцезащитные очки и передала их водителю вместе с небольшой сумкой. На ней было чёрное платье с закрытым верхом, подчёркивающее стройную фигуру, и длинное пальто строгого кроя. Никакой показной роскоши, никаких кричащих украшений. Только тонкие серьги, часы на запястье и небольшое кольцо. Тёмные волосы свободно спадали на плечи, мягко обрамляя лицо. Она собрала их за ухо, и Алекс заметил, как изменились её черты. В них появилась женственность, которой раньше он не придавал значения, но взгляд остался прежним — внимательным, прямым, чуть насмешливым. Алисия была красивой. Не такой безупречной, словно созданной для обложек глянцевых журналов красотой, которую часто демонстрировали женщины из их круга. В ней было что-то живое. Она не старалась произвести впечатление, не искала взглядов и не проверяла, кто успел её заметить. Просто вошла в дом, огляделась и улыбнулась человеку, который подошёл поздороваться.

Алекс поймал себя на том, что продолжает смотреть.

— Александр Дмитриевич, вы меня слышите?

Он перевёл взгляд на собеседника.

— Простите. Да, конечно.

Мужчина продолжил рассказ, но Алекс уже почти не слушал. Алисия тем временем заметила его и улыбнулась, не особенно приветливо — скорее так, словно узнала старого знакомого, которого давно не видела, но прекрасно помнит. Она направилась к нему.

— Александр.

— Алисия.

Он сделал шаг навстречу и протянул руку, но она неожиданно обняла его.

— Прими мои соболезнования и спасибо, что написал.

— Спасибо. Рад, что ты добралась.

— Дорога была спокойной. Хотя водитель в аэропорту решил, что мы участвуем в ралли.

Алекс невольно улыбнулся.

— У нас тут иногда так встречают гостей.

— Надеюсь, это не обязательная часть программы?

— Только для особо важных.

Она рассмеялась. Голос оказался немного ниже, чем он помнил, с мягкой интонацией, в которой угадывался Стамбул.

— Как ты? — спросил он.

— Нормально. Устала немного. А ты?

— Как видишь, жив.

Алекс посмотрел на неё чуть внимательнее.

— Ты изменилась.

— Надеюсь, в лучшую сторону?

—Несомненно.

— Какой осторожный ответ.

— Я стараюсь не говорить лишнего.

— Неужели? А мне казалось, ты всегда был уверен, что последнее слово должно оставаться за тобой.

— Это клевета.

— Конечно.

Она улыбнулась, и Алекс вдруг понял, что рад этой встрече больше, чем ожидал. Не потому, что между ними когда-то было что-то особенное. Ничего подобного не случалось. Просто рядом с ней не нужно было подбирать каждую фразу, следить за интонациями и изображать безупречного представителя семьи Воскресенских. Алисия умела разговаривать так, словно они встретились не на похоронах человека, связывавшего их семьи, а случайно пересеклись в ресторане.

— Отец уже здесь? — спросила она.

— С твоей мамой. Кажется, сейчас разговаривают с моими родителями.

— Тогда пойду поздороваюсь. А то Михаил наверняка уже успел сообщить всем, что я опять приехала не с ним.

— А разве это не так?

— Я взрослая женщина, Александр. Иногда мне хочется путешествовать самостоятельно.

— Смелое заявление.

Она забрала у него свою сумку, которую успел подхватить один из сотрудников, и направилась к гостиной. Алекс проводил её взглядом.

— Сарыханы умеют удивлять, — заметил рядом кто-то из знакомых.

Алекс повернулся.

— В каком смысле?

— Алисия всегда была самостоятельной. Михаил с ней, кажется, не особенно справляется.

Алекс усмехнулся.

— Думаю, Михаил давно смирился.

Но про себя добавил, что вряд ли.

К ужину в доме собралось почти всё ближайшее окружение семьи. Большой стол накрыли в главной столовой. Белая скатерть, серебряные приборы, хрусталь, свечи в высоких подсвечниках. На столе стояли блюда, приготовленные поварами, но никто не проявлял особенного интереса к еде. В такие вечера люди больше говорили, чем ели. Алекс сидел рядом с матерью. Напротив расположились Анри с супругой, чуть дальше — Михаил и Елена Сарыхан. Алисия оказалась по другую сторону стола, рядом с сыном Делакруа. Разговоры постепенно перетекали от одних воспоминаний к другим. Вспоминали Аркадия молодым, его первые поездки в Турцию, историю с французским контрактом, который едва не сорвался из-за ошибки в документах. Кто-то рассказывал, как дед однажды заставил всю делегацию ждать его почти два часа, потому что решил лично проверить качество продукции на складе. Кто-то вспоминал его непростой характер.

— Он мог испортить настроение всему залу одним замечанием, — сказал Анри, поднимая бокал. — Но зато никогда не портил сделку.

— Не всегда, — возразил Михаил. — Однажды он чуть не сорвал переговоры только потому, что ему не понравился тон французского представителя.

— Это был не тон, — отозвался Анри. — Это была откровенная наглость.

За столом раздался смех.

— А помнишь, Михаил, как Аркадий заставил нас ехать на производство в шесть утра? — спросил Дмитрий.

— Конечно. Он решил, что мы слишком много времени проводим в кабинетах.

— И ведь оказался прав, — заметила Елена.

Алекс слушал, иногда улыбался, иногда вставлял короткие реплики. Ему нравились эти истории. В них дед был живым — не человеком с портрета, не главой семьи, не именем на документах, а обычным упрямым мужчиной, который мог рассердиться из-за плохо приготовленного кофе и через пять минут предложить собеседнику совместный проект. За ужином старались не говорить о делах. Никто не поднимал тему завещания, будущего управления или того, кто теперь займёт место Аркадия. Даже Анри, обычно не упускавший возможности обсудить перспективы, на этот раз ограничивался воспоминаниями. Может быть, это было уважением к умершему, а может, каждый просто ждал подходящего момента.

— Ты совсем не ешь, — тихо произнесла Алисия, когда он в очередной раз отложил вилку.

Он повернул голову. Она сидела через одно место от него и, кажется, уже некоторое время наблюдала за его тарелкой.

— Я сегодня много ел.

— Не похоже.

— Ты всегда следишь за чужими тарелками?

— Только когда человек сидит с таким видом, будто его заставили прийти на собственные похороны.

Алекс тихо рассмеялся.

— Не самое удачное сравнение для сегодняшнего вечера.

— Прости. Не подумала.

Её улыбка погасла, и на несколько секунд между ними повисла тишина.

— Я тоже не могу привыкнуть, что его больше нет, — сказала она уже тише.

— Ты хорошо его знала?

— Достаточно, чтобы помнить, как он умел заставить меня чувствовать себя маленькой девочкой даже тогда, когда я была уверена в своей правоте.

— Это у него получалось со всеми.

— Зато он всегда слушал. Даже если потом делал по-своему.

Алекс посмотрел на неё.

— Да. Это точно.

Алисия опустила взгляд на бокал.

— Он был добрым ко мне. Иногда даже слишком. Однажды подарил мне старую книгу о Стамбуле, которую я случайно увидела у него в библиотеке. Я сказала, что она красивая, а через неделю он прислал её мне домой.

— Он запоминал такие вещи.

— Знаю. Поэтому мне и грустно.

Алекс ничего не ответил. Он заметил, что Алисия слегка сжала ножку бокала, а потом отпустила. Её лицо оставалось спокойным, но в глазах появилась та самая печаль, которую невозможно скрыть ни дорогим платьем, ни хорошими манерами. Он вдруг подумал, что весь вечер смотрел на неё как на женщину, которую давно не видел, и почти забыл, зачем она здесь.

Не ради него. Не ради семейных встреч. Она тоже приехала проститься с человеком, который был частью её жизни.

— Если захочешь выйти на воздух, скажи, — произнёс Алекс. — В саду сейчас тихо. Там почти никого нет.

Алисия повернула к нему голову.

— Спасибо. Возможно, позже.

Ужин закончился поздно. Гости постепенно разошлись по комнатам и небольшим гостиным. Кто-то задержался у камина, кто-то вышел на террасу, а Анри с Михаилом ещё долго разговаривали с Дмитрием в кабинете Аркадия. Алекс не стал к ним присоединяться. Он вышел в сад. Ночь была прохладной. Над дорожками горели невысокие фонари, свет ложился на мокрые после вечернего дождя камни. Вдалеке темнели деревья, а за ними угадывались очертания старого парка. Из дома доносились приглушённые голоса и звон посуды.

Дом Воскресенских стоял в глубине большого старого парка, в стороне от главной дороги. Когда-то это была загородная усадьба, принадлежавшая ещё прадеду Аркадия, но за полтора века она не раз меняла свой облик. Её перестраивали, расширяли, приспосабливали к новым временам, однако старались сохранить главное — особую атмосферу старого родового дома.

Двухэтажное здание с высоким цоколем, светлым каменным фасадом и тёмной черепичной крышей выглядело основательно и немного торжественно. Широкая лестница вела к парадному входу, над которым нависал небольшой балкон с коваными перилами. Высокие окна в деревянных рамах отражали свет вечерних фонарей. На фасаде сохранились лепные украшения, а по обеим сторонам входа стояли массивные колонны. Ничего кричащего, никакой показной роскоши — только дорогие материалы, возраст и ощущение, что этот дом видел гораздо больше, чем могли рассказать его нынешние обитатели. Внутри всё было выдержано в том же духе. Высокие потолки, широкие коридоры, паркет из тёмного дерева, старинная мебель, картины в тяжёлых рамах. В большой гостиной стоял камин, над которым висел портрет первого владельца усадьбы. Некоторые предметы мебели передавались в семье из поколения в поколение, и даже после нескольких ремонтов их не стали заменять на современные аналоги. Здесь не стремились сделать интерьер модным. Дом и без того имел собственный характер. Территория вокруг была не менее внушительной. От парадного входа расходились дорожки, выложенные старым камнем. По обеим сторонам росли липы и каштаны, многие из которых помнили ещё детство Аркадия. Чуть дальше находился небольшой пруд с каменным бортиком, за ним — ухоженный сад, летняя беседка и старая оранжерея, которую последние годы использовали скорее как зимний сад. В глубине парка стоял небольшой гостевой флигель, а за ним начинался участок, где деревья росли уже почти свободно, без строгой садовой геометрии. Алекс с детства знал здесь каждый поворот. Он помнил, как гонял по дорожкам на велосипеде, как прятался от взрослых в оранжерее и как дед однажды заставил его собственноручно посадить молодую липу возле пруда, объяснив, что дерево должно пережить того, кто его посадил. Теперь липа выросла выше крыши флигеля. А дом, казалось, почти не изменился. Только людей в нём становилось всё меньше.

Алекс остановился у перил террасы и достал телефон. На экране высветилось несколько сообщений по работе. Он быстро просмотрел их, ответил на самое важное и убрал телефон в карман.

— Я надеялась, что ты здесь.

Алекс обернулся на голос.

Алисия стояла в дверях террасы, придерживая одной рукой полы пальто. После тёплой гостиной прохладный воздух, должно быть, показался ей резким: она чуть повела плечами и плотнее запахнула ткань. Волосы собрала в небрежную дульку, но несколько тёмных прядей выбились и теперь касались щёк.

— Решила проверить, не сбежал ли я? — спросил Алекс.

— У меня было подозрение, что ты просто не выдержишь ещё одного рассказа о том, как твой дед когда-то спас чей-то бизнес.

— Ты удивительно хорошо меня понимаешь.

— Я наблюдательная.

Она спустилась с порога и подошла к нему. Каблуки негромко стукнули по каменной плитке. Алекс невольно отступил на полшага, освобождая ей место у перил. Алисия встала рядом, положив ладони на холодный камень. Через тонкую ткань рукавов она, похоже, сразу почувствовала его холод и убрала руки, спрятав их в карманы пальто. Некоторое время они молчали. Из дома доносились приглушённые голоса, за стеклянными дверями мелькали силуэты гостей. Здесь же было тихо. Ветер шевелил ветви старых деревьев, и влажный воздух пах прелыми листьями и остывшей землёй.

— Красиво здесь, — сказала Алисия, оглядывая сад.

— Дед любил это место.

— Я помню. Он всегда говорил, что в городе слишком много шума, а здесь можно услышать собственные мысли.

— Иногда это не самое приятное занятие.

Она повернулась к нему. В свете фонаря её глаза казались темнее, чем за ужином.

— Ты сейчас о чём-то конкретном?

— О завтрашнем дне. О людях. О том, что будет дальше.

— Думаешь о завещании?

Алекс усмехнулся и опёрся локтем о перила.

— Все вокруг только и делают, что напоминают о нём.

— Мой отец тоже сегодня несколько раз упомянул, что после смерти Аркадия ничего не должно измениться.

— Твой отец и Анри сегодня словно договорились говорить одно и то же.

— Возможно, они просто боятся, что всё изменится.

Она снова посмотрела на сад. Ветер выбил ещё одну прядь из её причёски, и Алисия попыталась убрать её за ухо. Прядь выскользнула, легла на щёку. Она раздражённо выдохнула и повторила движение. Алекс проследил за этим жестом, прежде чем вернуть взгляд.

— А ты? — спросил он.

— Что я?

— Боишься?

Алисия не ответила сразу. Она провела пальцами по вороту пальто, словно разглаживая невидимую складку.

— Я не люблю, когда за меня заранее решают, что будет дальше. Особенно люди, которые считают, что знают меня лучше, чем я сама.

— Понимаю.

Она повернула голову и внимательно посмотрела на него.

— Правда?

— Иногда мне тоже приходится напоминать семье, что я уже вырос.

— И получается?

— Не всегда.

Алисия тихо рассмеялась. Смех получился коротким, почти неслышным, но напряжение в её плечах немного ослабло.

— Тогда мы с тобой в одинаковом положении.

— Похоже на то.

Она посмотрела на него немного глубоко и вдумчиво. Алекс встретил её взгляд и вдруг заметил, что между ними осталось совсем немного расстояния. От неё пахло тонким парфю-

мом с тёплыми древесными нотами, который едва различался на фоне влажного ночного воздуха.

— Только не говори, что ты тоже собираешься жаловаться на родственников, — произнесла Алисия. — Мне сегодня хватило семейных историй.

— Я могу предложить что-нибудь интереснее.

— Например?

— Молчать и смотреть на сад.

— Вот это уже похоже на тебя.

— Не уверен, что это комплимент.

— А ты попробуй не искать подвох в каждой моей фразе.

Она улыбнулась и снова повернулась к деревьям. Алекс тоже замолчал и это не было неловким.

— Знаешь, Аркадий однажды сказал мне, что в нашем бизнесе самое сложное — не сохранить деньги, а сохранить людей. Я тогда не поняла, что он имеет в виду.

— А сейчас?

— Кажется, начинаю.

Алекс не стал спрашивать, что именно она поняла. В её голосе было что-то такое, что не хотелось перебивать. Из дома донёсся смех. Кто-то открыл дверь, но вскоре она снова закрылась.

— Тебе идёт этот цвет, — неожиданно произнёс Алекс.

Алисия повернулась к нему, чуть приподняв брови.

— Чёрный?

— Нет. Просто я помню тебя другой. Кажется, ещё совсем недавно ты была девчонкой, которая спорила со всеми подряд и считала, что последнее слово обязательно должно остаться за ней. А сейчас… — он на мгновение задержал на ней взгляд. — Ты превратилась во взрослую женщину. И я рад снова тебя видеть.

Алисия улыбнулась, и в её взгляде мелькнуло что-то тёплое.

— Я тоже рада тебя видеть, Алекс. Жаль только, что поводом для нашей встречи стало такое ужасное событие.

— Да, — тихо согласился он. — Мне тоже жаль.

Несколько секунд они молчали, словно оба понимали, что продолжать разговор уже не нужно.

— Спокойной ночи, Александр, — наконец произнесла Алисия.

— Спокойной ночи, Алисия.

Она направилась к двери, а Алекс ещё немного постоял на террасе, провожая её взглядом. Он смотрел на освещённые окна и думал о том, как странно устроена жизнь. Ещё вчера Алисия была просто дочерью Михаила Сарыхана, наследницей турецкого направления, человеком, с которым однажды предстояло вести переговоры. Сегодня он впервые за долгое время увидел в ней не продолжение чужой фамилии и не часть семейного соглашения. Просто женщину. Красивую, самостоятельную, с характером, который, судя по всему, стал только крепче. А завтра им снова предстояло встретиться в кругу трёх семей.

Глава 4. Последняя воля.

Похороны Аркадия Воскресенского оказались именно такими, какими Алекс и представлял их себе заранее: многолюдными, торжественными и до странного похожими на деловое мероприятие, только вместо привычных рукопожатий — сдержанные объятия, вместо разговоров о контрактах — слова соболезнования. Алекс стоял рядом с отцом и принимал соболезнования.

— Примите мои искренние соболезнования, Дмитрий Аркадьевич. Ваш отец был человеком редкой силы.

— Благодарю, — отвечал отец, чуть склоняя голову.

Алекс пожимал протянутые руки, выслушивал слова о деде, благодарил. Иногда ему казалось, что он слышит одну и ту же фразу, произнесённую разными голосами. Аркадий был сильным человеком. Аркадий умел договариваться. Аркадий держал слово. Аркадий построил нечто большее, чем бизнес. Всё это было правдой. И всё же Алекс никак не мог привыкнуть к мысли, что больше не увидит деда в его кабинете, не услышит его тяжёлых шагов в коридоре, не получит очередного звонка с коротким вопросом, за которым обязательно следовали десять минут советов, даже если никто их не просил. К вечеру гости разъехались. Усадьба, ещё утром наполненная голосами, снова погрузилась в тишину. На дорожках парка остались следы автомобильных шин, а у входа — несколько увядших букетов, которые не успели убрать. Алекс задержался у могилы деда дольше остальных. Ветер шевелил низ его пальто, холод пробирался под воротник, но уходить не хотелось. Он смотрел на свежую землю и пытался представить, что бы сказал Аркадий, увидев всю эту церемонию. Наверняка нашёл бы к чему придраться. Алекс невольно улыбнулся. Потом отвернулся и пошёл к дому.

Два дня спустя.

Нотариальная контора располагалась в старом особняке в центре Москвы. Снаружи здание выглядело почти неприметно: светлый каменный фасад, высокие окна, тяжёлая входная дверь с бронзовой ручкой. Но внутри всё было устроено так, чтобы посетитель с первых минут понимал: здесь не принято повышать голос и задавать лишние вопросы. В назначенное время прибыли Дмитрий Воскресенский, Михаил Сарыхан и Анри Делакруа. Алекс приехал вместе с Алисией. Жан появился чуть позже. В холле было тихо. Сотрудница нотариуса предложила гостям подождать, пока подготовят кабинет. Через несколько минут троих мужчин пригласили внутрь.

— Остальные могут расположиться здесь, — вежливо сказала она.

Алекс посмотрел на отца.

— Мы подождём?

Дмитрий на секунду задержал на нём взгляд.

— Да. Это займёт немного времени.

Дверь закрылась. Алекс остался стоять у окна, за которым виднелась серая улица. Алисия устроилась на диване, положив сумочку рядом. Жан прислонился плечом к стене и достал телефон.

— Забавно, — произнёс он, не отрываясь от экрана. — Три семьи, три главы, один нотариус и столько секретности.

— Завещание всё-таки, — отозвалась Алисия. — Не меню в ресторане.

Жан поднял глаза и усмехнулся.

— Ты всегда умела подобрать нужную интонацию.

— А ты всегда умел задавать вопросы, на которые не ждёшь ответа.

Алекс повернулся к ним. В другой ситуации он бы, возможно, поддержал перепалку, но сегодня мысли были заняты совсем другим. Он знал, что дед оставил распоряжения относи-

тельно своей доли. Знал, что совет директоров будет обсуждать дальнейшее распределение полномочий. Но отец не рассказывал ему никаких подробностей. И это молчание начинало раздражать.

— Тебе не кажется странным, что нас не пригласили? — спросил он у Алисии.

Она пожала плечами.

— Возможно, речь пойдёт о долях и юридических формулировках.

— Или о чём-то, что взрослые мужчины предпочитают обсуждать без нас, — добавил Жан.

— Ты ведь тоже здесь не просто так, — заметила Алисия.

Жан убрал телефон в карман.

— Разумеется. Я представляю интересы своей семьи.

— Вот и прекрасно. Тогда подождём.

Алисия взяла со столика стакан воды. Стекло тихо звякнуло о поднос, когда она поставила его обратно. Алекс заметил, что она держит спину слишком прямо, а пальцы время от времени касаются тонкого кольца на правой руке. Она тоже нервничала. Он хотел что-то сказать, но в этот момент за дверью послышались голоса. Прошло около десяти минут. Дверь кабинета распахнулась.

Первым вышел Дмитрий. Алекс сразу понял, что что-то произошло. Отец был бледен. Его обычно спокойное лицо словно застыло, губы сжались в тонкую линию. Он на мгновение задержался в дверях, оглядел холл и посмотрел прямо на сына.

— Алекс. Алисия. Зайдите, пожалуйста.

— Что случилось? — Алекс выпрямился.

— Просто зайдите.

В голосе отца не было привычной уверенности и это насторожило сильнее любых слов. Алисия поднялась с дивана. Алекс пропустил её вперёд, и они вместе направились к кабинету. Жан оттолкнулся от стены.

— А мне?

Дмитрий посмотрел на него.

— Пока нет, Жан. Подожди здесь.

Жан нахмурился, но спорить не стал. Алекс вошёл в кабинет следом за Алисией. Помещение оказалось небольшим, с тёмными деревянными панелями на стенах и тяжёлым письменным столом у окна. На столе лежали раскрытая папка, несколько листов бумаги и старинная чернильная ручка. Нотариус — сухощавый мужчина лет шестидесяти — сидел за столом, сложив руки перед собой. Михаил Сарыхан стоял у окна. Анри Делакруа расположился в кресле напротив, но, судя по напряжённой позе, сидеть ему было некомфортно. Алекс перевёл взгляд на отца.

— Что происходит?

Дмитрий не сразу ответил. Он провёл ладонью по лицу, словно пытался собраться с мыслями.

— Мы только что ознакомились с завещанием твоего деда.

— И?

Нотариус поправил очки.

— Ваш дед оставил подробные распоряжения относительно принадлежащих ему активов и порядка управления семейным холдингом. Основная часть документа касается структуры долей и прав на принятие стратегических решений.

— Можно без вступления? — попросил Алекс. — Что именно он написал?

Михаил резко повернулся от окна.

— Твой дед решил, что имеет право распоряжаться не только своей долей, но и будущим наших семей.

— Михаил, — негромко произнёс Дмитрий.

— Нет, Дмитрий. Пусть они знают.

Алисия медленно перевела взгляд с отца на Михаила.

— Папа, о чём ты говоришь?

Нотариус поднял ладонь, призывая всех к спокойствию.

— Позвольте мне изложить содержание документа в установленном порядке.

Он раскрыл папку и достал несколько листов.

— Согласно последней воле Аркадия Воскресенского, ключевой пакет активов холдинга должен быть распределён между тремя семейными ветвями: Воскресенскими, Сарыханами и Делакруа. При этом контрольный пакет и право решающей подписи остаются за семьёй Воскресенских.

Алекс слушал молча. Пока всё звучало ожидаемо. Три семьи, общий бизнес, распределение активов. Ничего такого, чего нельзя было бы обсудить на очередном заседании совета. Но нотариус сделал паузу и посмотрел на него.

— Вместе с тем господин Воскресенский отдельно указал, что право на контрольную подпись и полномочия по управлению контрольным пакетом должны перейти не к его сыну, Дмитрию Аркадьевичу, а к внуку — Александру Дмитриевичу Воскресенскому.

Алекс медленно повернул голову к отцу.

— Что?

Дмитрий отвёл взгляд, и этого оказалось достаточно, чтобы понять: он сам не ожидал услышать подобное.

— Я только что узнал об этом, Алекс.

— Но это ещё не всё, — продолжил нотариус.

Он поправил очки и перелистнул несколько страниц. Бумага сухо шуршала в непривычно тихом кабинете.

— Аркадий Воскресенский предусмотрел особое условие передачи полномочий. Александр Дмитриевич должен в течение шести месяцев со дня оглашения завещания заключить официальный брак с Алисией Михайловной Сарыхан.

Несколько секунд никто не произносил ни слова. Алекс даже не сразу понял смысл услышанного. Он посмотрел на нотариуса, затем на отца, словно надеялся, что тот сейчас объяснит происходящее какой-то нелепой ошибкой.

— Повторите, пожалуйста.

— Вы должны вступить в законный брак с Алисией Михайловной Сарыхан в течение шести месяцев.

— Вы сейчас серьёзно?

— Абсолютно.

Алисия резко выпрямилась. Её пальцы, до этого спокойно лежавшие на ремешке сумочки, сжались так сильно, что кожа тихо скрипнула под ладонью.

— Простите, а меня кто-нибудь собирался спросить?

Михаил повернулся к дочери, но нотариус продолжил, не позволяя разговору перейти в спор.

— В завещании также указано, что брак должен сохраняться не менее десяти лет. В случае его расторжения до истечения этого срока, признания недействительным либо отказа от регистрации брака в установленный период право на контрольную подпись и управление контрольным пакетом переходит к партнёрскому холдингу.

— Десять лет? — переспросил Алекс.

На этот раз он даже не пытался скрыть изумление.

— Именно так, — подтвердил нотариус. — Десять лет непрерывного брака.

— А если мы разведёмся через год? Через пять? — спросила Алисия.

— Последствия будут одинаковыми. До истечения установленного срока условие считается невыполненным.

— И что тогда происходит с долями семей? — вмешался Анри.

Нотариус повернулся к нему.

— Имущество и доли трёх семей сохраняются в соответствии с предусмотренным распределением. Однако контрольная подпись переходит к партнёрскому холдингу. Он получает полномочия по распоряжению доходами от контрольного пакета и принятию соответствующих финансовых решений. Семьи сохраняют право собственности, но утрачивают самостоятельный контроль над дивидендами и доходами этой части активов.

Анри медленно опустился обратно в кресло.

— То есть Аркадий оставляет нам имущество, но забирает возможность самостоятельно распоряжаться тем, что оно приносит.

— Если условие не будет выполнено, — уточнил нотариус.

— Великолепно, — тихо произнесла Алисия. — Просто великолепно.

Она отвернулась, провела ладонью по лбу и на мгновение закрыла глаза. Алекс смотрел на неё и видел, как постепенно меняется выражение её лица. Первоначальное недоумение уступало место возмущению.

— Я хочу понять одну вещь, — произнесла она, снова повернувшись к нотариусу. — Мой отец не может передать меня по наследству. Я не являюсь частью имущества холдинга. И уж точно не являюсь условием получения кем-то должности.

— Разумеется, — спокойно ответил нотариус. — Завещание не может обязать вас вступить в брак. Оно определяет условия, при которых Александр Дмитриевич получит предусмотренные документом полномочия. Решение о заключении брака остаётся исключительно за вами обоими.

— Какое облегчение, — процедила Алисия. — Значит, нас хотя бы не могут расписать без нашего согласия.

Михаил шагнул к дочери.

— Ты не обязана выходить замуж. И никто не будет решать за тебя.

— Михаил, — вмешался Дмитрий, — давай не будем сейчас…

— Нет, Дмитрий. Именно сейчас и нужно говорить. Твой отец придумал условие, которое касается моей дочери, и сделал её частью своих распоряжений. Он не имел на это никакого права.

— Я не знал о таком пункте, — ответил Дмитрий. — Поверь, для меня это не меньший сюрприз.

Алекс всё ещё стоял возле стола, опираясь ладонями о полированную поверхность. Десять лет. Не месяц, не год, не формальность, которую можно выполнить ради получения наследства. Десять лет брака с женщиной, которая даже не собиралась связывать свою жизнь с семейным бизнесом. Он посмотрел на Алисию. Она встретила его взгляд и чуть заметно покачала головой, словно заранее отвечала на вопрос, который он ещё не успел задать.

— И это всё? — спросил Алекс у нотариуса. — Никаких дополнительных условий? Совместное проживание, дети, участие Алисии в управлении холдингом?

— Нет. Господин Воскресенский не устанавливал подобных требований. В документе чётко обозначены регистрация брака и срок его сохранения.

— То есть от меня требуется жениться, а от Алисии — оставаться моей женой десять лет?

— Формулировка именно такова.

Алекс коротко усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья.

— Дед даже после смерти умудрился найти способ вмешаться в мою личную жизнь.

— Не только в твою, — тихо сказала Алисия.

Она стояла напротив него, и теперь в её взгляде не было ни растерянности, ни улыбки, с которой она обычно встречала его колкости.

— В мою тоже, Алекс.

Он выдержал её взгляд.

— Я понимаю.

— Правда? Потому что мне кажется, ты пока думаешь о контрольной подписи.

Эти слова задели его сильнее, чем он ожидал. Алекс выпрямился, убрал руки со стола.

— А ты думаешь, я мечтал получить предложение руки и сердца через нотариуса?

Алисия хотела ответить, но Михаил положил ладонь ей на плечо.

— Достаточно. Мы уходим.

— Папа…

— Алисия, мы поговорим дома.

Она на секунду прикрыла глаза, явно собираясь возразить, но всё-таки промолчала. Алекс проводил её взглядом. Ему вдруг вспомнился тот вечер на террасе, когда она сказала, что приятно иногда разговаривать не о том, чего от них ждут окружающие. Похоже, такой роскоши им больше не оставили.

— Алекс, нам нужно поговорить, — произнёс Дмитрий, когда Алисия вышла из кабинета.

— Да, папа. Очень нужно.

Он ещё раз посмотрел на раскрытое завещание.

Десять лет.

Аркадий не оставил ему выбора между хорошей и плохой сделкой. Он поставил на одну чашу весов всё, ради чего Алекс работал последние годы, а на другую — жизнь женщины, которая совершенно не собиралась становиться частью его мира. И самое неприятное заключалось в том, что Алекс не мог даже злиться на Алисию за её возможный отказ. Она ничего ему не обещала. А вот дед, похоже, решил пообещать за них обоих.

Жан всё это время ждал в коридоре. Когда дверь открылась, он оторвался от телефона и внимательно посмотрел на выходивших. По выражению лиц было понятно, что разговор оказался совсем не таким, каким его ожидали. Он перевёл взгляд на отца, но Анри лишь коротко бросил, что они поговорят позже. Сам Жан не имел отношения к завещанию: он был сыном главы семьи Делакруа, но не являлся прямым наследником семейной доли и не претендовал на управление холдингом. В отличие от Алекса и Алисии, его будущее отец пока не связывал с объединением трёх семей. По крайней мере, официально.

Глава 5. Не по плану

В усадьбе к вечеру стало непривычно шумно. После нескольких дней траура, сдержанных голосов и бесконечных соболезнований дом словно пытался вернуться к обычной жизни, но получалось плохо. Даже привычный свет в гостиной казался каким-то чужим. Алекс спустился к ужину последним. Переодеться он не успел, поэтому остался в тёмных брюках и рубашке с расстёгнутой верхней пуговицей. За столом уже сидели отец, Михаил Сарыхан и Анри Делакруа. Жан устроился чуть поодаль, лениво вращая в пальцах бокал с водой.

Свободное место Алисии бросалось в глаза.

— А где Алисия? — спросил Алекс, занимая своё место.

Михаил отложил салфетку.

— Уехала.

— Куда?

— В город. К подруге, кажется.

Алекс ничего не ответил, но почему-то именно эта новость вызвала у него невольную улыбку. Алисия, похоже, решила, что на сегодня семейных потрясений ей вполне достаточно.

— И правильно сделала, — заметил Михаил, словно прочитав его мысли. — Ей нужно отдохнуть от всего этого.

— Нам всем не помешало бы, — отозвался Дмитрий.

Анри посмотрел на него поверх бокала.

— Отдохнуть мы ещё успеем. А вот разобраться с тем, что оставил Аркадий, придётся сейчас.

Дмитрий вздохнул.

— Анри, мы уже всё обсудили.

— Мы услышали условия завещания. Это не одно и то же.

— Я не собираюсь сегодня снова обсуждать свадьбу, — вмешался Алекс.

Михаил повернулся к нему.

— И правильно. Потому что моей дочери не нужен муж, которого ей назначили по наследству.

— Я тоже не горю желанием становиться чьим-то назначенным женихом, — спокойно ответил Алекс.

— Тогда проблема решена, — произнёс Михаил.

— Не совсем, — заметил Жан, впервые за вечер отрываясь от телефона. — Насколько я понял, если Алекс откажется, последствия коснутся всех трёх семей.

— Жан, — предостерегающе произнёс Анри.

— Что? Я просто пытаюсь понять, почему мы обсуждаем личную жизнь Алекса так, будто это обычный пункт повестки.

Алекс усмехнулся.

— Спасибо. Хоть кто-то заметил абсурдность происходящего.

— Не обольщайся, — Жан чуть приподнял бокал. — Я не на твоей стороне. Просто не хотел бы однажды узнать, что семейные дела решаются с помощью брачных объявлений.

Дмитрий невольно улыбнулся, но Михаил оставался мрачным.

— Аркадий знал, что делает, — произнёс он. — Он понимал, что ставит нас в безвыходное положение.

— Возможно, он считал, что предлагает решение, — тихо сказал Дмитрий.

— Решение? — Михаил резко повернулся к нему. — Ты бы согласился, если бы на месте Алекса оказался не твой сын, а на месте Алисии — твоя дочь?

Дмитрий не ответил сразу. Он посмотрел на сына, и Алекс вдруг заметил в его лице усталость, которой раньше не видел.

— Нет, — наконец произнёс отец. — Не согласился бы.

В гостиной повисла тишина.

Алекс откинулся на спинку стула. Ему совершенно не нравилось, что разговор снова возвращается к одному и тому же. Он не собирался сегодня принимать решение, тем более в присутствии людей, каждый из которых уже имел собственное мнение о том, на ком ему следует жениться.

— Предлагаю закончить на сегодня, — сказал он. — Мы все устали. Завтра продолжим, если кому-то ещё будет что добавить.

— Ты так легко говоришь о десяти годах, — заметил Михаил.

— А вы предлагаете мне решить всё за один вечер?

Михаил поджал губы, но промолчал.

Ужин продолжился, однако прежней непринуждённости так и не появилось. Разговор постепенно свернул на воспоминания об Аркадии, потом на какие-то бытовые вопросы, и только ближе к концу вечера гости начали расходиться. Алекс задержался в гостиной, налил себе воды и подошёл к окну. В тёмном стекле отражалась комната, освещённая настенными бра. За окном парк уже растворился в ночи. Он достал телефон. Несколько секунд смотрел на экран, прежде чем открыть переписку с Алисией.

В другом конце Москвы Алисия сидела за небольшим столиком у окна и впервые за последние несколько дней чувствовала себя почти нормальным человеком. Бар был именно таким, как она любила: приглушённый свет, негромкая музыка, мягкие диваны, высокие бокалы и никакой необходимости держать спину прямо, внимательно слушать старших и делать вид, что всё происходящее её не касается. Напротив сидела Соня — её давняя московская подруга. Они познакомились ещё несколько лет назад, когда Алисия приезжала в Москву на каникулы, и с тех пор умудрялись поддерживать дружбу, несмотря на расстояния и совершенно разные графики. Соня была из тех женщин, которые могли за пять минут рассказать последние новости, обсудить чужую стрижку, заказать десерт и одновременно заметить, что у подруги что-то не так.

— Так, подожди, — она отставила бокал. — Давай ещё раз. Твой дедушка, то есть дедушка Алекса, решил, что вы должны пожениться?

— Именно.

— И не просто пожениться, а прожить в браке десять лет?

— Соня, не повторяй. Я и так это прекрасно запомнила.

— Нет, я просто пытаюсь осознать масштаб чужой фантазии. Десять лет! Это же не отпуск на Мальдивах, который можно отменить через неделю.

Алисия рассмеялась, хотя весёлого в ситуации было мало.

— А самое прекрасное, что меня никто не спросил, хочу ли я вообще замуж.

— Ну, а сам жених? Как он тебе?

Алисия посмотрела на подругу поверх бокала.

— Ты сейчас серьёзно?

— Абсолютно. Я понимаю, что ситуация ужасная, но мы же не обязаны делать вид, будто Алекс Воскресенский — это какая-то неприятная необходимость.

— Соня!

— Что Соня? Я его видела. Он красивый мужчина. Очень даже. Высокий, глаза красивые, плечи… — Она выразительно повела рукой. — В общем, если бы мне предложили такого жениха, я бы хотя бы попросила фотографию для начала.

— У тебя, как всегда, удивительно правильные приоритеты.

— А у тебя удивительно серьёзное лицо для девушки, которой предложили выйти замуж за красавца.

— Не предложили. Мне сообщили, что я должна.

— Ну вот. Уже лучше. Есть над чем работать.

Алисия покачала головой и отпила коктейль. Соня умела рассмешить её даже тогда, когда хотелось запереться в комнате и никого не видеть. Телефон, лежавший рядом с бокалом, коротко завибрировал. Алисия скользнула взглядом по экрану.

Алекс:Ты исчезла.

Она приподняла бровь.

Алисия:Не знала, что должна отчитываться.

Ответ пришёл почти сразу.

Алекс:Не должна. Но я хотел бы тебя увидеть.

Алисия задержала взгляд на сообщении. Соня заметила перемену в её лице и тут же подалась вперёд.

— Кто?

— Никто.

— Алисия, я тебя слишком давно знаю. У тебя сейчас такое лицо, будто кто-то прислал тебе неприличное предложение.

— Не дождёшься.

Она набрала ответ.

Алисия:А если я не хочу?

Алекс:Тогда я не приеду. Но всё-таки надеюсь, что захочешь.

Алисия невольно улыбнулась.

Алекс:Не думай что я всегда такой, мне действительно хочется поговорить.

Алисия:И о чём же?

Алекс:Для начала о том, почему ты сбежала, не попрощавшись. А дальше посмотрим.

Она перечитала последнее сообщение, покрутила телефон в пальцах и посмотрела на Соню.

— Кажется, у меня проблемы.

— Судя по улыбке, приятные?

— Пока не знаю.

Алекс:Ты где?

Алисия чуть прищурилась.

Алисия:Александр Дмитриевич, вы так торопитесь меня увидеть?

Алекс:А ты так старательно делаешь вид, что не хочешь меня увидеть?

Она тихо фыркнула.

— Ой, — протянула Соня. — Кажется, я начинаю понимать.

— Ничего ты не понимаешь.

Алисия открыла карту, скопировала адрес бара и отправила ему.

Алисия:Ладно. Приезжай. Только предупреждаю: сегодня я не собираюсь обсуждать завещания, наследство и прочие семейные радости.

Алекс:Я собирался поговорить с тобой, а не с нотариусом.

Она улыбнулась шире.

Алисия:Посмотрим, насколько ты интересный собеседник.

Алекс:Постараюсь не разочаровать.

Телефон остался лежать на столе, а Алисия взяла бокал.

— Ну? — Соня смотрела на неё с таким любопытством, будто только что получила приглашение на самое интересное представление в городе.

— Он едет.

— Кто бы сомневался.

— Соня, пожалуйста, только не начинай.

— Я молчу. Просто хочу предупредить: если он окажется таким же красивым, как на фотографиях, я не отвечаю за своё поведение.

— Ты замужем.

— И что? Смотреть на красивые вещи ещё никто не запрещал.

Алисия рассмеялась и чуть не расплескала коктейль.

Алекс перечитал адрес, убрал телефон в карман и поднялся из кресла.

— Ты куда? — спросил Дмитрий, который всё ещё находился в гостиной.

— В город.

Отец посмотрел на часы.

— Сейчас?

— Представь себе.

— Алекс, мы не закончили разговор.

— Знаю. Но если я ещё раз сегодня услышу слово «завещание», начну подозревать, что оно написано на стенах этого дома.

Дмитрий устало улыбнулся.

— Ты собираешься к Алисии?

Алекс остановился, застёгивая часы.

— Да. Она прислала адрес.

— И ты едешь?

— А должен остаться здесь и ждать, пока она передумает?

Отец покачал головой, но спорить не стал. Алекс поднялся к себе, быстро переоделся и через несколько минут уже спускался по лестнице. Вместо привычного делового костюма на нём были тёмные джинсы и светлая рубашка из мягкой ткани. Рукава он небрежно подвернул до локтей, верхние пуговицы оставил расстёгнутыми. Волосы после душа лежали чуть беспорядочно, и он даже не стал пытаться их пригладить. Перед выходом Алекс мельком взглянул на своё отражение в зеркале. Вполне прилично. Он взял ключи от машины и только когда уже выезжал со двора, поймал себя на мысли, что впервые за последние дни собирается куда-то не потому, что должен, а потому, что хочет.

Алисия заметила его не сразу. Сначала у входа мелькнул силуэт высокого мужчины, затем он снял куртку и передал её гардеробщику. Рубашка сидела на нём свободно, но подчёркивала широкие плечи. Тёмные джинсы, часы на запястье, слегка растрёпанные волосы. Никакого официального Воскресенского. Он нашёл их столик почти сразу. Его взгляд остановился на Алисии, и на губах появилась лёгкая улыбка.

— Добрый вечер.

— Добрый, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал совершенно спокойно.

Соня, разумеется, не собиралась облегчать ей задачу.

— Привет, — произнесла она, оглядев Алекса с нескрываемым интересом. — Соня.

— Алекс.

Он пожал ей руку, после чего посмотрел на Алисию.

— Не помешаю?

— Ты уже приехал, — заметила та. — Поздно задавать такие вопросы.

— Значит, сяду.

Он отодвинул свободный стул и устроился рядом с ними.

Соня наклонилась к Алисии и, прикрыв рот ладонью, прошептала:

— Только не говори, что это тот самый жених по завещанию.

Алисия едва не рассмеялась.

— Боюсь, он самый.

— Я всё слышу, — заметил Алекс, устраиваясь поудобнее.

— Тогда тебе не придётся задавать лишних вопросов, — невозмутимо ответила Алисия.

Он посмотрел на неё с улыбкой. Алекс усмехнулся, заметив, как Соня с нескрываемым любопытством разглядывает его, и перевёл взгляд на бокалы, стоявшие перед девушками.

— А что, девочки, коктейли здесь нормальные? — спросил он, чуть отодвигая свободный стул. — Может, закажем ещё?

— Зависит от того, кто угощает, — тут же отозвалась Соня.

— Тогда считайте, что вам повезло.

— Вот это уже разговор! — Соня довольно улыбнулась и повернулась к подруге. — Алисия, мне начинает нравиться твой неожиданный гость.

— Не торопись с выводами, — пробормотала Алисия, хотя уголки её губ предательски дрогнули.

Алекс устроился рядом, не сводя с неё глаз.

— Я, между прочим, ещё даже не успел произвести впечатление.

— А ты собираешься? — поинтересовалась Алисия.

— Теперь, когда ты спросила, придётся постараться.

Соня рассмеялась и подняла бокал:

— Ну что ж, за новые знакомства. И за мужчин, которые знают, когда нужно заказывать следующий раунд!

Вечер неожиданно пошёл совсем не по тому сценарию, который Алисия успела себе представить. Соня быстро нашла с Алексом общий язык, а он, к её удивлению, оказался не таким уж серьёзным и неприступным, каким выглядел на семейных встречах. Он легко подхватывал разговор, рассказывал забавные истории, умел слушать и, что особенно раздражало Алисию, совершенно не нуждался в том, чтобы постоянно привлекать к себе внимание. Оно и так к нему возвращалось. Соня уже успела выяснить, что он любит путешествовать, не переносит ранние подъёмы без веской причины и однажды умудрился заблудиться в собственном отеле в Италии. Последняя история вызвала у неё такой приступ смеха, что Алисия едва не расплескала коктейль.

— Подожди, — Соня вытерла выступившие от смеха слёзы. — То есть ты полчаса искал свой номер, а потом выяснилось, что ты этажом выше?

— Не совсем. Я искал лифт.

— А он?

— Был за моей спиной.

Соня снова расхохоталась.

— Алисия, я считаю, нам нужно чаще приглашать Александра на наши девичники.

— Это уже не девичник, — заметила Алисия, покачивая в бокале остатки коктейля. — Тут у нас незапланированное семейное собрание.

— Семейное? — Алекс приподнял бровь.

— Ну да. Нас ведь уже практически поженили. Осталось только поставить нас перед фактом и выбрать цвет скатертей.

— Я бы предложил что-нибудь нейтральное, — невозмутимо отозвался он. — Чтобы не пришлось спорить.

— Не рассчитывай, спорить я могу даже из-за цвета скатерти.

— Это я уже успел заметить.

Соня посмотрела на них поверх бокала и улыбнулась так, словно услышала нечто чрезвычайно занимательное.

— А ведь вы неплохо смотритесь вместе.

— Соня! — Алисия повернулась к подруге.

— Что? Я просто сказала, что вижу.

— Ты видишь то, чего нет.

— Возможно, — легко согласилась Соня. — Но внешне вы вполне подходите друг другу. Высокий, красивый мужчина, эффектная девушка. И оба, судя по всему, с характером.

Алисия задумчиво посмотрела на Алекса. Коктейль приятно согревал, мысли стали чуть медленнее, а язык, кажется, совсем перестал советоваться с головой.

— Вообще-то, если отбросить всё остальное, мы не самые плохие кандидаты, — произнесла она. — Правда ведь?

Алекс повернул к ней голову. В его глазах мелькнуло удивление, быстро сменившееся улыбкой.

— Рад, что ты наконец оценила мои достоинства.

— Не торопись. Я говорю о нас обоих. Ты вполне ничего, я тоже не последний вариант. Внешность приличная, образование имеется, с чувством юмора у нас, кажется, тоже всё неплохо…

— Ты сейчас составляешь резюме для будущего мужа?

— Нет, я анализирую ситуацию.

— Очень профессионально.

— Вот только есть одна маленькая проблема, — Алисия подняла указательный палец. — Мы оба свободные люди. По крайней мере, были ими ещё утром. А теперь кто-то решил, что нам следует провести следующие десять лет вместе.

Последние слова она произнесла уже без улыбки. Пальцы медленно провернули ножку бокала, и взгляд на мгновение задержался на прозрачной жидкости. Алекс перестал улыбаться.

— Я понимаю, что тебе это неприятно.

— Правда? — Она посмотрела на него. — А мне казалось, ты уже мысленно выбираешь свадебный костюм.

— Костюм я как-нибудь переживу. А вот перспектива жениться по чужому распоряжению мне тоже не кажется особенно заманчивой.

— Но тебе хотя бы есть что терять.

— А тебе, по-твоему, нечего?

— Мне есть что терять, Алекс. И это не деньги твоего деда и не место в совете директоров. Я могу потерять свою жизнь. Ту, которую сама себе устроила и которая меня вполне устраивает.

Он несколько секунд смотрел на неё, не перебивая. В шуме бара их разговор почти растворился, но Алекс чуть наклонился ближе.

— Я не собираюсь делать вид, что всё это пустяк. И не хочу, чтобы ты думала, будто я приехал сюда уговаривать тебя согласиться.

— А зачем ты приехал?

— Хотел увидеть тебя. И поговорить. Без родителей, нотариуса и всех остальных, которые уже успели решить за нас.

Алисия отвела взгляд, сделала небольшой глоток и тихо усмехнулась:

— Знаешь, для человека, которого я должна буду терпеть десять лет, ты пока производишь довольно приятное впечатление.

— Буду считать это комплиментом.

Соня, до этого внимательно прислушивавшаяся к разговору, демонстративно подняла пустой бокал.

— Простите, что прерываю вашу семейную идиллию, но мне кажется, мы забыли о главном. Коктейли сами себя не закажут.

Алекс рассмеялся и подозвал официанта. Алисия покачала головой, но тоже улыбнулась. Впервые за этот бесконечно странный день ей стало немного легче. Хотя бы на один вечер

можно было не думать о завещании, сроках и десяти годах чужой воли. Время пролетело незаметно. Когда Соня в очередной раз взглянула на телефон, на экране светилось без четверти три.

— Нет, ну это уже неприлично, — объявила она, убирая телефон в сумочку. — Завтра я буду ненавидеть весь мир.

— Завтра? — Алекс посмотрел на неё с улыбкой. — Ты оптимистка. Я бы на твоём месте начал ненавидеть его прямо сейчас.

— Не подсказывай. Я ещё держусь.

Он подозвал официанта, попросил счёт и, не обращая внимания на возражения Сони, оплатил его.

— Александр, это совершенно лишнее, — попыталась возмутиться она.

— Считай, что это плата за интересную компанию.

— Тогда мы ещё встретимся.

— Буду рад.

Соня посмотрела на Алисию, потом снова на Алекса. В её улыбке было столько довольного любопытства, что Алисия заранее приготовилась к расспросам.

— Ну что, я поехала. Спасибо за вечер. И за коктейли, разумеется.

— Рад знакомству, Соня.

— Взаимно. Алисия, не пропадай.

— Постараюсь.

Алекс вызвал ей такси, дождался подтверждения поездки и проводил до выхода. Соня успела обернуться у дверей и выразительно подмигнуть подруге. Алисия сделала вид, что не заметила.

Когда за Соней закрылась дверь, они остались вдвоём.

В баре всё ещё звучала музыка, за соседними столиками кто-то смеялся, но после ухода подруги пространство вокруг них будто стало тише.

— Ну что, — Алекс посмотрел на часы, — кажется, нам тоже пора.

— Тебе, наверное, особенно. Ты ведь ещё должен вернуться к своему автомобилю.

— Я уже позаботился об этом. Водитель заберёт машину и отвезёт нас в усадьбу.

— Практично.

— Стараюсь соответствовать репутации человека, который умеет решать проблемы.

— Не уверена, что эту проблему ты решил.

— Какую именно?

— Ту, из-за которой мы сегодня оказались за одним столом.

Он чуть улыбнулся, но спорить не стал.

На улице было прохладно. Алисия плотнее запахнула пальто и остановилась под навесом у входа. Ночная Москва жила своей отдельной жизнью: редкие машины скользили по мокрому асфальту, вдали горели витрины круглосуточного магазина, а ветер время от времени приносил запах сырого камня и выхлопных газов.

Алекс встал рядом, оставив между ними небольшое расстояние.

— Ты замёрзла?

— Немного. Но после бара даже приятно.

Он посмотрел на неё, словно собирался что-то сказать, но передумал. За этот вечер они успели поговорить о самых разных вещах — о путешествиях, музыке, знакомых, смешных случаях из прошлого. И почти не вспоминали о том, что несколько часов назад их жизнь перевернуло чужое завещание.

Алисия поймала себя на мысли, что давно не разговаривала с ним так легко. Раньше их встречи ограничивались семейными ужинами и короткими разговорами, в которых всегда присутствовали родители, фамилии и общие знакомые. Она помнила его другим — чуть

более закрытым, серьёзным, всегда занятым чем-то важным. Сегодня Алекс оказался совсем не таким.

Может быть, и она сама раньше не пыталась его узнать.

— Ты о чём задумалась? — спросил он.

— О том, что вечер получился неожиданно приятным.

— Неожиданно?

— Не зазнавайся.

Алекс тихо рассмеялся.

Вскоре к тротуару подъехал автомобиль. Водитель вышел, поздоровался с Алексом и открыл заднюю дверь.

— Твоя машина останется здесь? — спросила Алисия.

— До завтра. Я сегодня выпил, так что за руль не сяду. Утром водитель заберёт её.

— Разумно. Не ожидала от тебя такой предусмотрительности.

— У меня, как видишь, много достоинств. Просто ты раньше не интересовалась.

Алисия улыбнулась и уже собиралась сесть в салон, когда обернулась к нему.

— Алекс…

Он остановился рядом.

— Сегодняшний вечер ничего не меняет, — сказала она спокойно. — Но я рада была узнать тебя лучше. Кажется, мы не общались целую вечность.

На лице Алекса появилась мягкая улыбка.

— У меня такое же ощущение. И, если честно, я рад, что ты всё-таки прислала мне адрес.

— Не привыкай к таким жестам.

Алисия первой забралась в машину и устроилась у окна.. Алекс сел рядом, назвал водителю адрес усадьбы и прикрыл дверь. Автомобиль плавно тронулся с места. Несколько минут они ехали молча. Алисия смотрела на ночные улицы, проплывавшие за стеклом и закрыла глаза, а Алекс откинулся на спинку сиденья и повернул голову к окну. День наконец остался позади. Завтра снова придётся думать о завещании, о решениях, которые никто из них не просил принимать, и о том, что делать дальше. Но сейчас можно было просто ехать домой после хорошего вечера.

Глава 6. Не такой уж плохой выбор

Первое утро после возвращения в офис оказалось странным. Алекс привык, что после нескольких дней отсутствия его встречают вопросами, срочными документами и сообщениями, которые почему-то не могли подождать до его возвращения. Сегодня всё было именно так. На столе лежали папки, помощница Марина прислала расписание на неделю, а в почте накопилось достаточно писем, чтобы занять остаток дня. И всё же что-то изменилось. Он почувствовал это ещё у входа, когда охранник вместо привычного приветствия чуть заметно склонил голову и произнёс:

— Александр Дмитриевич, соболезную вам.

— Спасибо, Виктор.

На этом разговор закончился, но уже через несколько минут Алекс понял, что подобная деликатность будет сопровождать его весь день. Секретарь отдела продаж, обычно без лишних церемоний приносившая ему документы, сегодня осторожно спросила, удобно ли будет обсудить рабочие вопросы. Руководитель производственного направления начал совещание с очередного выражения соболезнований, хотя они уже виделись на похоронах. Даже Марина, с которой Алекс работал несколько лет и которая прекрасно знала его привычку не тратить время на лишние слова, сегодня дважды уточнила, не хочет ли он перенести встречи.

— Марин, у меня что, на лбу написано, что мне нельзя работать? — наконец спросил он, просматривая расписание.

Она замерла с планшетом в руках.

— Нет, конечно.

— Тогда почему все ходят вокруг меня на цыпочках?

Марина чуть улыбнулась.

— Думаю, люди просто не знают, как себя вести.

— Пусть ведут себя как обычно. Мне от этого будет гораздо легче.

— Хорошо. Тогда в три часа у вас встреча с господином Ковалёвым, в четыре — производственное совещание. И ещё звонил ваш отец.

Алекс поднял глаза.

— Что хотел?

— Просил передать, что вы должны ему перезвонить.

— Передай, что я занят.

Марина посмотрела на него с таким выражением, будто собиралась напомнить, что отец не из тех людей, которым можно бесконечно передавать подобные сообщения.

— Хорошо, — всё-таки сказала она.

Алекс вернулся к документам. Он действительно был занят и это его устраивало. Работа всегда помогала ему расставлять мысли по местам. Здесь всё было понятно: есть задача, есть сроки, есть люди, которые отвечают за результат. Если возникала проблема, её можно было разобрать, найти решение и двигаться дальше. Никто не пытался устроить его личную жизнь по пунктам завещания. Последнее обстоятельство особенно радовало. К обеду он успел провести два совещания, подписать документы и разобраться с задержкой поставки. В перерыве между встречами позвонил Михаил Сарыхан.

Алекс посмотрел на экран, помедлил и сбросил вызов. Через минуту пришло сообщение: *"Нам нужно поговорить."*

Алекс ответил: *"Обязательно. Пока не могу"*

Ответ Михаила пришёл почти мгновенно: *"Не тяни."*

Алекс усмехнулся и убрал телефон в карман. Как-нибудь. Прекрасное слово. Оно позволяло отложить практически всё, что не хотелось делать прямо сейчас. К вечеру он уже почти

поверил, что сумел благополучно пережить первый рабочий день. Почти. Без десяти семь Марина заглянула в кабинет.

— Александр Дмитриевич, к вам пришли.

— Кто?

— Дмитрий Аркадьевич, Михаил Сарыхан и Анри Делакруа.

Алекс медленно отложил ручку.

— Все трое?

— Я пыталась объяснить, что вы заняты, но господин Воскресенский сказал, что подождёт.

Алекс откинулся на спинку кресла и посмотрел на потолок.

— Разумеется. А я надеялся, что хотя бы сегодня обойдётся без семейных собраний.

— Мне пригласить их?

Он помолчал секунду, затем кивнул.

— Да. И принеси кофе. Кажется, вечер будет длинным.

Марина вышла, а Алекс поднялся из-за стола. Подошёл к окну, поправил манжету рубашки и посмотрел на отражение в стекле. Усталость уже давала о себе знать, но он не собирался показывать её гостям. Дверь открылась почти сразу. Первым вошёл отец. За ним Михаил и Анри.

— Добрый вечер, — произнёс Алекс. — Рад видеть, что вы нашли дорогу в мой офис.

— Не начинай, — спокойно ответил Дмитрий.

— А я ещё ничего не сказал.

— Именно поэтому и прошу.

Михаил усмехнулся и пожал Алексу руку.

— Ты сегодня очень занятой человек.

— Удивительно, правда? У некоторых людей работа не заканчивается после похорон.

— Мы заметили, — отозвался Анри. — Особенно когда пытались договориться о встрече.

— Я был на совещаниях.

— Вчера ты был на производстве, позавчера — на встрече с поставщиками, а сегодня у тебя внезапно появилось столько работы, что ты не можешь ответить на телефон.

— Значит, вы внимательно следите за моим расписанием.

— Алекс, — отец посмотрел на него поверх очков. — Мы пришли не для того, чтобы обсуждать твою занятость.

— Тогда давайте не будем тратить время.

Все четверо расположились в креслах у небольшого столика. Алекс сел напротив, но не стал сразу начинать разговор. Он прекрасно понимал, зачем они пришли, и не испытывал ни малейшего желания первым произносить слово «завещание». Марина принесла кофе, поставила чашки и бесшумно закрыла за собой дверь. Некоторое время никто не торопился начинать. Первым заговорил Михаил.

— Давай сразу договоримся: я по-прежнему считаю, что Аркадий перешёл все границы.

Алекс чуть приподнял брови.

— Рад, что хоть в чём-то мы сходимся.

— Не перебивай. Я не собираюсь менять своё мнение только потому, что прошло несколько дней. Он не имел права распоряжаться моей дочерью. Алисия не вещь, которую можно передать из одной семьи в другую вместе с пакетом акций.

Михаил говорил негромко, но в его голосе по-прежнему чувствовалось раздражение. Он провёл ладонью по подбородку, словно сдерживая желание сказать гораздо больше.

— Я знаю свою дочь. Она никогда не согласится на то, чтобы кто-то решал за неё, с кем ей жить. И я не собираюсь заставлять её.

— Тогда зачем мы здесь? — спросил Алекс.

Анри, сидевший рядом с Михаилом, чуть повернул голову.

— Потому что я предложил ему не торопиться с выводами.

— Ты, кажется, единственный человек, который сегодня не пытается меня женить, — заметил Алекс.

— Не обольщайся. Я просто предпочитаю сначала разобраться в ситуации, а потом принимать решения.

Анри взял чашку, сделал глоток и продолжил:

— Михаил, насколько я понимаю, больше всего беспокоит то, что Алисия может оказаться связана с человеком, который не имеет никакого отношения к нашим семьям. Она не собирается заниматься семейным бизнесом, не планирует становиться преемницей отца. И рано или поздно вполне может выбрать себе спутника жизни сама. Это её право. Но представь, что этим человеком окажется кто-то совершенно посторонний. Человек, который не знает нашей истории, не понимает, как устроены отношения между семьями, и не считает нужным с ними считаться.

— И что? — Михаил нахмурился. — Моя дочь должна выбирать мужа с оглядкой на наши договорённости?

— Нет. Но случайный человек рядом с ней может повлиять на то, что мы выстраивали десятилетиями. Не обязательно намеренно. Просто потому, что у него будут свои интересы, свои взгляды и своё представление о том, как должна выглядеть жизнь его семьи. Ты сам знаешь, насколько хрупким иногда бывает равновесие.

Михаил помолчал. Его взгляд скользнул по лицу Анри, затем остановился на Алексе.

— Я не хочу, чтобы кто-то использовал Алисию ради сохранения договорённостей.

— И я не хочу, — спокойно ответил Анри. — Но, возможно, в этом случае речь идёт не об использовании. Алекс и Алисия давно знакомы. Они не чужие друг другу. И, насколько я помню, никогда не испытывали особой неприязни.

— Пока не испытывали, — вставил Алекс.

Анри усмехнулся.

— Вот видишь. Уже есть определённая база для переговоров.

— Если вы собираетесь обсуждать мой брак как коммерческий проект, я могу принести презентацию. Вы говорите так, словно речь идёт о выборе автомобиля, — Алекс усмехнулся, обводя взглядом сидящих напротив мужчин. — Подходит по характеристикам, выглядит прилично, семьи давно знакомы. Можно брать. Осталось только проверить комплектацию и узнать, сколько лет гарантии.

Михаил не удержался от смешка.

— Не передёргивай, Воскресенский.

— А я, по-твоему, передёргиваю? Вы уже обсудили её внешность, образование, характер и мою пригодность в качестве мужа. Кажется, следующий пункт — совместимость по гороскопу.

— Ты всегда умел находить самые неприятные стороны даже в хороших предложениях, — вздохнул Дмитрий.

— Пап, мне предложили жениться на женщине по завещанию. Я пока не обнаружил в этом предложении особенно приятных сторон.

Михаил рассмеялся уже открыто.

— Вот за это я тебя люблю, Воскресенский. Ты всегда находишь, над чем пошутить.

— Не всегда. Иногда я просто молчу и надеюсь, что всё закончится само собой.

— Судя по тому, как ты сегодня от нас бегал, это твоя основная стратегия, — заметил отец.

Алекс повернулся к нему.

— А ты, я смотрю, прекрасно провёл время, наблюдая за моими передвижениями.

Дмитрий улыбнулся и устроился удобнее в кресле.

— Не без удовольствия.

— Замечательная поддержка семьи.

— Мы тебя любим, сын. Просто иногда ты бываешь невыносим.

Алекс рассмеялся и покачал головой. Напряжение немного ослабло, и разговор наконец стал похож на обычную семейную встречу, а не на заседание совета директоров. Анри воспользовался паузой.

— Если серьёзно, Алекс, никто не требует от тебя немедленно принять решение. Но я бы на твоём месте хотя бы подумал о том, что именно предлагает завещание.

— Оно предлагает мне жениться на Алисии и сохранять этот брак десять лет.

— Формально — да.

— А фактически?

— Фактически ты получаешь возможность сохранить контроль над семейным делом, а Алисия становится твоей женой.

— Звучит почти как рекламное предложение.

— Ты всегда можешь отказаться, — пожал плечами Анри. — Но тогда не стоит удивляться последствиям.

Алекс подался вперёд, положив локти на колени.

— Я не собираюсь превращать свою жизнь в продолжение семейного договора. Мне тридцать два года. Я сам выбирал, чем заниматься, где жить, с кем дружить. И, представьте себе, до сегодняшнего дня вполне справлялся без семейного совета по вопросам женитьбы.

— Никто не отрицает твоего права выбирать, — спокойно ответил Анри.

— Правда? Тогда у меня для вас хорошие новости: я пока не выбрал.

Дмитрий тихо рассмеялся, а Михаил покачал головой.

— Ты действительно похож на своего деда, когда начинаешь спорить.

— Надеюсь, мне досталась только эта его привычка.

Алекс взял чашку, но пить не стал. Несколько секунд смотрел на тёмную поверхность кофе, затем поставил её обратно.

— Допустим, — произнёс он наконец. — Допустим, мы с Алисией решаем согласиться. Расписываемся, живём каждый своей жизнью, не вмешиваемся в дела друг друга. Я вполне могу представить такой вариант.

Михаил внимательно посмотрел на него.

— Ты говоришь так, словно уже обдумывал его.

— А вы думали, я все эти дни только прятался от вас?

— Вполне возможно, — заметил Дмитрий.

Алекс улыбнулся, но почти сразу посерьёзнел.

— Есть одна проблема. Десять лет — это не два месяца и даже не год. За это время многое может измениться. Я могу встретить другую женщину. Влюбиться. Захотеть быть с ней, построить с ней настоящую семью. И что тогда? Я должен буду отказаться от неё, потому что когда-то поставил подпись в загсе? Сказать ей, что она появилась не вовремя, потому что у меня ещё семь лет действует семейное соглашение?

Он произнёс это без вызова, почти буднично, но после последних слов в кабинете стало заметно тише. Михаил чуть откинулся на спинку кресла.

— А ты уже предполагаешь, что не сможешь быть с Алисией?

— Я предполагаю, что не умею предсказывать собственную жизнь на десять лет вперёд. И не собираюсь делать вид, будто умею.

— По крайней мере, честно, — произнёс Анри.

— Я не хочу, чтобы через три года мы с Алисией сидели за одним столом и обсуждали, кому из нас теперь можно влюбляться, а кому ещё рано.

— Ты слишком далеко заглядываешь, — заметил Михаил.

— А мне, наоборот, кажется, что я недостаточно далеко заглядываю. Десять лет, Михаил. Это не отпуск, который можно отменить, если погода испортилась.

Анри чуть улыбнулся, но спорить не стал.

— Я понимаю, — произнёс Дмитрий, отставляя чашку на столик. Его голос звучал мягче, в нём уже не было той строгости, с которой он начал разговор. — Длинные дни — это то, что объединяет нас обоих больше, чем всё остальное. Время, когда кажется, что ты просто оболочка, по которой проходит ветер. Я тоже не знал, что отец включил такой пункт в завещание. Для меня это стало неожиданностью не меньше, чем для тебя.

Алекс посмотрел на отца. Тот чуть повёл плечом, словно признавая, что не слишком удачно выразился, но отступать от сказанного не собирался.

— Я не говорю, что ты должен согласиться. Просто хочу, чтобы ты понял: отец не пытался наказать тебя. По крайней мере, я так не думаю.

— А как ты думаешь?

— Он хотел, чтобы семьи оставались единым целым. Не только на бумаге. За последние годы мы все привыкли к тому, что наши дети живут собственной жизнью, строят свои планы, выбирают своё окружение. Это нормально. Но Аркадий смотрел дальше одного поколения. Он хотел, чтобы связь между семьями не закончилась вместе с ним.

— И решил скрепить её браком.

— Да.

— Не спросив ни меня, ни Алисию.

— Это его ошибка, — тихо сказал Дмитрий.

Алекс отвёл взгляд. В голосе отца не было привычной назидательности, и это немного сбивало его с настроя спорить.

— Дед всегда умел удивлять, — произнёс он.

— Это мягко сказано, — согласился Дмитрий.

Михаил поставил чашку на столик.

— Я не буду уговаривать Алисию. И не позволю никому давить на неё. Но если она сама захочет рассмотреть такой вариант, я не стану запрещать ей только потому, что изначально был против решения Аркадия.

Алекс внимательно посмотрел на него.

— То есть ты уже не считаешь этот брак совершенно неприемлемым?

— Я считаю неприемлемым то, как всё было устроено. Это разные вещи. Алисия красивая, умная девушка. Она умеет принимать решения и не нуждается в том, чтобы отец выбирал ей мужа. Но и ты, признаюсь, не самый плохой вариант.

— Второй комплимент за вечер. Я начинаю привыкать.

— Не увлекайся, — усмехнулся Михаил. — Я всё ещё не уверен, что ты достаточно терпелив для моей дочери.

— А я не уверен, что она достаточно терпелива для меня.

— Вот видишь, — Анри развёл руками. — Уже находите общие темы.

Все рассмеялись, даже Дмитрий, который до этого сохранял серьёзный вид.

Михаил поднялся первым.

— Я не стану давить на тебя, Алекс. Но прошу об одном: не принимай решение из принципа. Не отказывайся только потому, что кто-то попытался распорядиться твоей жизнью. Подумай, чего хочешь именно ты.

— Я как раз пытаюсь это понять.

— Тогда поговори с Алисией ещё раз. И не только о завещании.

Анри тоже поднялся, застёгивая пиджак.

— В конце концов, вы оба не так уж плохи в качестве претендентов на семейное счастье. Возможно, Аркадий впервые за долгое время оказался прав в своём выборе.

— Не уверен, что стоит ставить на это деньги, — заметил Алекс.

— Я бы не стал, — засмеялся Михаил. — Но посмотреть на результат было бы интересно.

Дмитрий задержался у двери.

— Ты не обязан отвечать нам сегодня.

— Это я уже понял.

— И ещё, Алекс… Не пытайся спрятаться за работой. Мы всё равно тебя найдём.

— Я начинаю подозревать, что это семейная традиция.

Отец улыбнулся и вышел вслед за остальными. Когда дверь закрылась, Алекс остался стоять посреди кабинета. На столе остывал кофе, за окном темнел город, а телефон снова завибрировал.

Сообщение от Михаила:

Не забудь поговорить с Алисией. И не будь таким упрямым.

Алекс прочитал его и усмехнулся.

— Легко сказать, — пробормотал он.

Он вернулся к столу, но к документам больше не притронулся. В голове крутились слова отца, Михаила и Анри. Возможно, они действительно не ошибались в одном: Алисия была не самым плохим человеком, с которым можно провести десять лет. Он вспомнил вчерашний вечер. Её смех, быстрые ответы, то, как она смотрела на него поверх бокала, и как легко они нашли общий язык, хотя ещё утром едва ли могли представить себя за одним столиком. Он почти не возражал против самой идеи договорного брака. Если бы они с Алисией оба понимали, на что идут, если бы могли договориться и сохранить привычную жизнь, возможно, всё оказалось бы не таким уж сложным. Но он не хотел заранее обещать десять лет своей жизни. Не хотел однажды встретить женщину, рядом с которой почувствует, что нашёл своё место, и вынужден будет отступить, потому что когда-то дал обещание, которого не выбирал.

Впрочем, это как раз предстояло выяснить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.